

Слепая зона

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Кэти М. Д

18+

Кэти Ди

Слепая Зона

«Автор»

2026

Ди К. М.

Слепая Зона / К. М. Ди — «Автор», 2026

Говорят, самая безопасная зона — это френдзона. Айрис Миллер свято верила в это правило с самой школы, упрямо прячась в своей «слепой зоне» от обжигающих взглядов лучшего друга. Рейнар Торнтон — дерзкий капитан хоккейной сборной, у ног которого лежит весь кампус Оквуда. Он привык побеждать на льду, но годами проигрывал в попытках достучаться до её сердца. Всё рушится на Осеннем балу, когда идеальный «Белый Рыцарь» Айрис из устраивает ей публичную казнь доверия ради грязного спора. Сможет ли Айрис наконец открыть глаза и увидеть того, кто всегда был готов ради нее сжечь этот мир дотла?

© Ди К. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	40
Глава 10	44
Глава 11	48
Глава 12	53
Глава 13	58
Глава 14	64
Глава	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Кэти Ди Слепая Зона

Глава 1

Запах пережаренных кофейных зерен и сиропа «соленая карамель» — вот чем пахли мои двадцать лет. Ну, еще учебниками по макроэкономике и вечным недосыпом.

— Миллер, если ты сейчас же не нальешь мне три шота эспresso прямо в вену, я умру прямо на этом кафеле, и тебе придется утилизировать мой труп, — раздался со стороны дверей театрально-мученический стон.

Я даже не подняла глаз от рожковой кофемашины. Мне не нужно было смотреть, чтобы знать: Итан Картер сейчас выглядит так, будто его переехал школьный автобус. Его золотистые, вечно растрепанные волосы торчали во все стороны, контрастируя со светлыми, заспанными глазами, а на бледном лице залегли тени. Хотя на самом деле он просто вчера до четырех утра резался в приставку в доме братства.

— Привет, Итан. Правила заведения запрещают утилизацию трупов в утреннюю смену, — отозвалась я, ловко забивая кофейную таблетку. — Так что бери свой латте и не загораживай кассу.

— Жестокая ты женщина, Айрис, — проворчал он, но тут же расплылся в улыбке, когда стеклянная дверь кофейни снова звякнула, впуская остальную часть нашего безумия.

Нейтан Коул вошел первым, практически полностью перекрывая собой дверной проем. Широкоплечий, высокий брюнет крепкого телосложения, с резкими, но спокойными чертами лица, в неизменной черной куртке, он бережно придерживал за талию Мию Брукс. Моя рыжая подруга с россыпью задорных веснушек на носу и сияющими голубыми глазами светила как начищенный цент, несмотря на то что на часах было едва за восемь утра. Она тут же подбежала к стойке, обдав меня ароматом яблочных духов.

— Эй, Лив! Ты видела расписание? Нам поставили зачет по литературе прямо перед вечерней тренировкой мальчиков! — затараторила Мия, запрыгивая на высокий барный стул. — Нейт обещал, что если они выиграют в эту субботу, мы устроим грандиозное барбекю на заднем дворе. Привет, Итан, ты выглядишь как восставший из ада.

— Я чувствую себя так же, Брукс, — буркнул Итан, забирая свой стакан.

Я улыбнулась, передавая Нейтану его привычный черный кофе без сахара, а Мие — раф с лавандой. Смотреть на них двоих было сплошным удовольствием — они встречались уже три года и казались самым надежным островком стабильности в нашем нестабильном студенческом мире.

Дверь звякнула в третий раз. В кофейню ворвался поток холодного осеннего воздуха, а вместе с ним — тяжелый, безошибочно узнаваемый аромат дорогого парфюма с нотами табака и можжевельника.

Рейнар Торнтон.

Он шел ленивой, уверенной походкой хищника, который прекрасно знает, что в радиусе пяти миль нет никого, кто мог бы составить ему конкуренцию. Черное худи с логотипом нашего университета обтягивало мощные плечи защитника и капитана хоккейной сборной. Его темные, слегка растрепанные волосы падали на лоб, прикрывая фирменный, вечно оценивающий взгляд серо-стальных глаз, в которых сейчас читалась ленивая скука. Черты его лица — упрямый подбородок, резкие скулы и четко очерченные губы — приковывали к себе внимание парней и девчонок. На его руке висела высокая блондинка с юридического факультета

— Кортни или Кристи, я вечно их путала. Она что-то щебетала ему на ухо, белоснежно улыбаясь, а Рейнар лишь лениво кивал, глядя прямо на меня через весь зал.

— Привет, банда, — бросил он парням, даже не посмотрев на свою спутницу, которая тут же упорхнула занимать столик у окна.

Рейнар подошел к стойке, оперся о нее локтями и склонил голову набок, разглядывая мои синяки под глазами. К слову, сама я сегодня тоже не блистала свежестью: мои длинные светлые волосы были перехвачены крабиком на затылке, а в больших серых глазах отражалась вселенская усталость.

— Выглядишь паршиво, Миллер. Опять зубрила всю ночь?

— И тебе доброго утра, Торнтон, — я натянуто улыбнулась, вытирая пар над капучинатором. — Твой «двойной ристретто для парней без сердца» еще не готов. Придется подождать.

— Я могу подождать, — его губы тронула едва заметная, дерзкая ухмылка, от которой у половины девчонок в кампусе подкашивались ноги. Но только не у меня. Мы дружили слишком долго, с самого детства, чтобы я велась на этот фасад. Мой отец работал на его отца, и я знала Торнтон с тех времен, когда он еще плакал из-за разбитых коленей. — Слышал, ты вчера сдала проект профессору Харрису на «отлично»? Нейтан прожужжал мне все уши.

— Да, прикинь, некоторые из нас здесь действительно учатся, а не только гоняют шайбу по льду и меняют эскорт каждые три дня, — шпилька вылетела сама собой. Я кивнула в сторону блондинки, которая уже вовсю селфилась за столиком.

Рейнар даже не повернул головы. Его глаза на мгновение потемнели еще сильнее, а челюсть упрямо сжалась. Он посмотрел на меня в упор — так близко, что я могла разглядеть крошечный шрам над его бровью, полученный на позапрошлом матче с Бостоном. В воздухе между нами мгновенно натянулась невидимая струна — жаркая, давящая, от которой перехватило дыхание.

— Ревнуешь, Миллер? — тихо, с хрипотцой спросил он, подаваясь чуть вперед, так что я ощутила тепло его дыхания на своих губах.

Я фыркнула, прерывая это странное оцепенение, и передала ему горячий стакан.

— Мечтай, Торнтон. Как вообще дела с подготовкой к субботней игре? Тренер сильно лютует?

Рейнар взял стакан, его пальцы на секунду коснулись моих — горячие, мозолистые от клюшки, они словно прошили мою кожу легким разрядом тока. Он медленно отстранился, посмотрел на парней, потом снова на меня и... просто коротко дернул одним правым плечом. Вверх и вниз.

Наш тайный знак. Наш личный код, который мы придумали еще на первом курсе, когда прятались от дождя под трибунами стадиона. *«Полный отстой. Хуже некуда».*

— Тренировки — ад, Чейз тянет одеяло на себя, а Харрис грозит урезать мне игровое время, если я не подтяну средний балл, — вслух произнес он совершенно спокойным голосом, но взгляд его оставался прикованным к моему лицу. — Ладно, я пойду. Нужно покормить мою утреннюю ошибку завтраком.

Он развернулся и пошел к столику блондинки. Я проводила его широкую спину взглядом, пока Мия громко спорила с Итаном о том, кто пойдет покупать чипсы к субботе.

Быстро раздав ребятам остатки их заказов, я повернулась к Джейку — моему сменщику, который как раз лениво выползал из подсобки. Коротко кивнув ему, мол, «подмени меня на кассе на пять минут», я развязала завязки темно-зеленого фартука, повесила его на крючок и, прихватив свою бутылку воды с лимоном, направилась к столику друзей. Рейнар к этому моменту уже успел отделаться от своей спутницы — она упорхнула в туалет поправлять и без того идеальный блеск на губах, так что он сидел с парнями.

Я протиснулась на свободное место между Мией и Итаном, устало выдыхая.

— ...Я говорю тебе, если мы не перекроем их левый фланг, защите конец, — эмоционально размахивал руками Итан, едва не пролив свой латте. — Они в прошлом сезоне разнесли парней из Мичигана чисто на скорости!

В нашей компании все мальчишки играли в хоккей. Это было нормой для нашего колледжа — здесь все были помешаны на льду. Итан играл ради веселья и внимания девчонок, Нейтан был надежным нападающим, но только Рейнер относился к этому по-настоящему серьезно. Он вкалывал на тренировках до кровавых мозолей, прекрасно понимая, что спорт — его единственный шанс построить собственную карьеру и не идти на поводу у отца. Рейнер чертовски не хотел становиться послушной марионеткой в семейном бизнесе Торнтонов. Старший Торнтон спал и видел, как сын после выпуска займет кресло в его корпорации, но для Рейнара хоккей был кислородом.

Хотя для всего остального кампуса он оставался классическим персонажем: богатенький мажор, бабник, который любит тратить папины деньги, менять тачки и крутить романы на одну ночь. А меня за вечные отказы местным парням все считали недотрогой. Ну и пусть.

Пока в двери нашей кофейни не зашел новенький.

Стеклянная дверь звякнула, и мы с Мией синхронно замерли. Парень, переступивший порог, был невероятно хорош собой: высокий, с потрясающими темными кудрями и ослепительной улыбкой, от которой на щеках проступали ямочки. На нем была тяжелая спортивная куртка, но не нашей хоккейной сборной. На спине красовалась эмблема регбийного клуба. Он уверенно направлялся напрямик к кассе, на ходу поправляя ляжку рюкзака.

— И чего сидишь? Иди принимай заказ! — весело хихикнула мне на ухо Мия, толкнув меня локтем в бок.

Я mogнула, возвращаясь в реальность, и обнаружила, что Рейнар уже пару секунд настойчиво мотает перед моим лицом своей большой ладонью.

— Эй, Зефир, ты поймала экран блокировки? Земля вызывает Миллер, — проворчал он, нахмурившись, и в его голосе прорезались опасные, ледяные нотки. — Что ты там увидела?

— Что?.. — я тут же вздрогнула, отводя взгляд от новенького.

Парни за столом дружно рассмеялись, а Рейнар недовольно скрестил руки на груди, буравя тяжелым, обещающим проблемы взглядом вошедшего регбиста. Я извинилась перед ребятами. Встав из-за стола, я мысленно поблагодарила Джейку за подмену и заняла свое место за кассой, натягивая профессиональную улыбку.

— Доброе утро! Рады видеть вас в «Пряничном латте», — отчеканила я на автомате. — Что для вас приготовить?

Парень остановился у стойки и открыто, невероятно тепло улыбнулся. Его глаза оказались удивительно глубокого оттенка, а от всей его могучей фигуры веяло такой бешеной уверенностью, что я невольно выпрямила спину.

— Привет. Мне, пожалуйста, большой черный американо, — его голос был низким и приятным. Он бегло осмотрел меню, а затем снова перевел взгляд на меня. — И, если тебя не затруднит, подскажешь, как пройти к главному деканату? Я только сегодня перевелся к вам и немного плутаю между корпусами.

— Да, конечно, без проблем, — я забила заказ в компьютер. — С переводом тебя к нам! Смотри, выходишь из кофейни, поворачиваешь направо за фонтаном и идешь прямо до кирпичного здания с часами. Деканат на втором этаже.

— Спасибо, выручила, — он забрал чек, а затем опустил взгляд на мою грудь, где на фартуке был приколот круглый деревянный значок. Парень прищурился, прочитал мое имя по бейджику и снова ослепительно улыбнулся, подмигнув мне: — Ещё увидимся, Айри.

Я замерла со стаканчиком в руке. *Айри.*

Даже не оборачиваясь к столику друзей, я буквально кожей почувствовала, как Рейнар там скривил нос и шумно выдохнул сквозь зубы. Я прямо в деталях представила это выражение его лица.

Рейнар Торнтон просто ненавидел, когда меня называли «Айри». Стоило кому-то в кампусе использовать это сокращение, как он мгновенно злился и врубал режим агрессивного защитника. Не знаю почему, ему просто дико не нравилось это дурацкое имя. Обычно в колледже все звали меня либо Лив, либо по фамилии — Миллер. И только сам Рейнар имел эксклюзивное право использовать свое дурацкое прозвище «Зефир», которым наградил меня еще на посвящении первокурсников, когда я объелась маршмеллоу у костра.

— Эй, Зефир! — донесся его недовольный, хмурый голос из-за стола. — Хватит флиртовать на рабочем месте, у нас пары через пятнадцать минут. Двигай сюда.

Я тихо засмеялась, передавая новенькому регбисту его американо, и поймала его ответный забавный взгляд.

Когда парень ушел, я вернулась за столик к ребятам. Мы с Рейнером и Итаном учились на одном факультете — международной экономики, поэтому торчали вместе на всех лекциях. А вот Мия и её Нейт были с архитектурного. Именно поэтому они вечно устраивали эти сопливые забеги навстречу друг другу после каждой пары, будто разлучались не на полтора часа, а на пару лет. Иногда это откровенно раздражало.

Их отношения вообще были ходячим аттракционом. Они могли крупно поругаться раза три за день, наговорить друг другу кучу гадостей, а через час целоваться по углам так, словно у них не было этих дебильных ссор. Их бурные примирения происходили везде: в библиотеке, в коридорах, на парковке. Мы с парнями уже просто привыкли закатывать глаза.

Итан, кстати, тоже знатно гулял с девчонками из группы поддержки, но его сердце принадлежало теннисной площадке. Точнее, Роуз Пэрри — звезде университетского тенниса и его главной несбыточной мечте. Итан ради неё даже раскошелится на дорогую ракетку и кучу спортивного шмота, но играть так и не научился. Он просто приходил на корт, садился на трибуну и тяжело вздыхал, пуская слюни на её подтянутую фигуру.

Что касается Рейнера... он был непостоянен во всем, кроме одного. У него было три незыблемых жизненных правил: довести меня до белого каления, мешать мне на парах и всегда садиться рядом, чтобы я делала за него лекции или практики.

Поскольку денег у него, в отличие от меня, было много, он часто вел себя как типичный мажор. Но при этом Рейнер с завидной регулярностью оставался ночевать у меня на съемной квартире. Я едва наскребала доллары, чтобы вовремя платить за эту чертову коробку на окраине кампуса. И иногда, когда дела мои были совсем плохи, Торнтон молча переводил арендодателю нужную сумму со своей карты. Мне каждый раз было до безумия стыдно, я злилась, а он лишь отмахивался: *«Миллер, не выноси мне мозг, я просто плачу за аренду дивана, на котором сплю»*. В знак благодарности я бесплатно варила ему литры кофе и подсовывала лучшие десерты из кофейни. Мы были квиты. Чисто по-дружески.

Когда мы наконец вышли из кофейни и направились в сторону экономического корпуса, осенний ветер резко крутанул палую листву у наших ног. Итан убежал вперед, пытаясь догнать промелькнувшую в толпе Роуз, а мы с Рейнаром остались вдвоем. Он шел слишком близко — так, что его плечо то и дело задевало мое при каждом шаге.

— Кто это был? — резко спросил он, нарушая молчание. Его голос звучал глухо, почти грубо.

— Ты о ком? — я сделала вид, что не понимаю, сильнее кутаясь в свой легкий кардиган.

— О кудрявом придурке в куртке регбиста, Миллер. Не делай из меня идиота. Что это за «до встречи, Айри»? — Рейнар резко остановился прямо посреди аллеи, вынуждая меня тоже затормозить.

Студенты обходили нас стороной, но Торнтону было плевать. Он развернулся ко мне, и я увидела, как ходит желвак на его упрямой челюсти. В его глазах полыхало что-то темное, тяжелое и пугающе горячее.

— Он просто перевелся к нам, потерялся. Я подсказала дорогу, Рей, — тихо ответила я, удивленная его вспышкой. — Какая тебе разница?

Рейнар сделал шаг вперед, полностью перекрывая мне обзор на кампус своей массивной фигурой. От него пахло морозным воздухом, табаком и той самой дикой, животной уверенностью, которая подчиняла себе стадионы. Он протянул руку, и его большие, горячие пальцы жестко, но бережно обхватили мой подбородок, заставляя поднять голову.

Мое сердце пропустило удар. Время словно замедлилось. Его большой палец медленно, с едва ощутимым нажимом очертил контур моей нижней губы, оставляя за собой шлейф покалывающего тепла. Это прикосновение не было дружеским. В нем было столько скрытого, подавленного голода, что у меня пересохло в горле. Его взгляд опустился на мои губы, задерживаясь на них слишком долго. На целую мучительную вечность.

— Мне есть разница, Зефир, — прошептал он, и его голос вибрировал от сдерживаемого напряжения. — Мне дико не нравится, когда всякие прохожие придурки произносят твоё имя так, будто имеют на него право.

— Рей... — выдохнула я, чувствуя, как внутри все стягивается в тугой узел от этой странной, пугающей химии. — Мы опоздаем.

Рейнар словно очнулся. Его зрачки на секунду расширились, он резко отдернул руку, пряча пальцы в карманы худи. Секундная слабость исчезла, и на её место вернулась привычная дерзкая маска бабника и капитана.

— Идем, Миллер, — хмыкнул он, уже направляясь к дверям корпуса. — Если из-за твоих телячьих нежностей с регбистами меня не допустят к лекции, ты будешь писать за меня конспект по макроэкономике всю ночь. И поверь, я прослежу, чтобы ты не спала.

Я покачала головой, сглатывая вязкую слюну и пытаюсь унять бешеный стук сердца. Это просто Рейнар. Мой лучший друг.

Но почему тогда мои губы до сих пор горели от его прикосновения?

Глава 2

В субботу вечером арена нашего колледжа напоминала растревоженный улей. Запах попкорна, дешевого пива и ледяной свежести, бьющей из-под огромных прожекторов, смешивался в единый, пьянящий коктейль. Мы с Мией и Итаном сидели на наших постоянных местах — в третьем ряду, прямо за защитным стеклом. Отсюда было идеально видно всю скамейку запасных и каждый жест парней.

Сегодня была первая серьезная игра сезона. Рейнар в своей массивной темно-синей хоккейной форме с номером «17» на спине выглядел по-настоящему устрашающе. На льду он трансформировался: исчезал ленивый бабник из кофейни, оставался только жесткий, суровый защитник, который без капли жалости размазывал соперников по бортам. Защитная сетка его шлема скрывала потемневшие глаза, но я и без этого знала, с какой ледяной яростью он сейчас просчитывает каждый шаг противника.

Но сегодня все взгляды трибун были прикованы не только к нашему капитану.

— Твою мать, Айрис, смотри, что творит этот новенький! — Итан подскочил с места, едва не пролив на мои джинсы колу. — Он же просто сумасшедший! Откуда он вообще взялся на льду?!

Я перевела взгляд на лед, и у меня перехватило дыхание. Чейз Девенпорт. Тот самый кудрявый парень из кофейни, который пару дней назад подмигнул мне у кассы. Весь кампус со вчерашнего дня гудел о том, что во втором составе перед самым матчем двое нападающих слегли с тяжелым гриппом. Тренер был в панике, и тогда Чейз, звезда регбийной лиги, вызвался помочь. Оказалось, до перевода в наш университет он несколько лет серьезно играл в юниорской хоккейной лиге. Его мощная регбийная дыхалка и тяжелая масса позволяли творить на льду нечто невообразимое.

Чейз летел на бешеной скорости, легко обходя защиту противника. Он играл агрессивно, красиво и безумно технично, двигаясь с пластикой породистого хищника. За пару минут до конца второго периода он перехватил шайбу, сделал обманный маневр и мощным щелчком загнал ее точно в девятку.

Трибуны буквально взорвались от оглушительного крика. Девенпорт победно вскинул клюшку, оборачиваясь к зрителям. И тут наши взгляды встретились сквозь толстое защитное стекло. Он узнал меня.

Чейз замедлил ход, плавно затормозил, взметнув фонтан ледяной крошки, и подъехал ближе к нашему сектору. Глядя мне прямо в глаза, он коротко, приветливо салютовал крагой, удерживая мой взгляд. Мое сердце сделало странный, глухой кульбит, а в животе сладко потянуло.

— Ого, подруга, кажется, этот регбист положил на тебя глаз, — Мия пихнула меня в бок, хитро прищурившись. — Ты видела это? Он выпендривается специально ради тебя!

Я лишь смущенно улыбнулась, низко опуская голову и принимаясь усердно скручивать в трубочку свой маленький пластиковый флажок с эмблемой колледжа. Щеки предательски горели, а краем глаза я заметила, как на другом конце поля Рейнар Торнтон с такой силой ударил клюшкой о борт, что пластик жалобно треснул.

После матча, завершившегося нашей разгромной победой, когда трибуны уже опустели, мы по привычке собрались на нашем излюбленном месте — на бетонных парапетах возле главного входа в ледовый дворец. Вокруг клубился холодный ночной туман, а мы ждали, пока парни выйдут из раздевалки перед тем, как все разъедутся по домам.

Рейнар сегодня вышел к нам злее черта. Он был дико недоволен тем, что игру внезапно перенесли на час раньше, из-за чего они с парнями толком не успели отработать новые тактические схемы на раскатке. Но главным источником его раздражения был, конечно же, Чейз

Девенпорт. Я пока не совсем понимала, как именно сложатся их отношения, ведь Чейз явно метил на лидерские позиции в спортивной иерархии кампуса и вовсю перетягивал одеяло на себя, что было очевидно всем.

— Да ладно тебе, Торнтон, хорош кипишевать на ровном месте, — Итан лениво потянулся, закидывая руки за голову. — Нормально же откатали. Новенький прет как танк, нам такие нападающие пригодятся.

— Закрой рот, Картер, — огрызнулся Рейнар, на ходу со свистом застегивая молнию на своей спортивной куртке. — Этот придурок играет сам по себе. Он не видит команду, он видит только трибуны.

Мия, которой вечно не сиделось спокойно, решила подлить масла в огонь. Она хмыкнула и беззаботно пожала плечами:

— Ой, да ладно тебе, Рейн! Что такого-то? Это всего лишь игра, главное — счет на табло.

Рейнар остановился как вкопанный. От него всё еще пахло горячим после матча телом, мылом и ледяным парфюмом. Он повернулся и зыркнул на нее таким тяжелым, бешеным взглядом из-под нависших бровей, что бедная Мия мгновенно притихла. Она сжалась и буквально вжалась в плечо стоявшего рядом Нейтана, ища защиты у своего парня.

— Еще раз так скажешь, Брукс, и мы больше не друзья, — мрачно прорычал Рейнар, с силой закидывая тяжелый рюкзак со снаряжением на одно плечо. Желваки у него на лице ходили ходуном.

Затем он сделал шаг ко мне, сокращая расстояние до опасного минимума. Он навис надо мной, полностью блокируя пути к отступлению, пока моя поясница не уперлась в холодный бетон парапета. Его серо-стальной взгляд на секунду опустился к моим губам, а затем приковал меня к месту. Внутри меня всё скрутилось в тугую, сладкую петлю, а пульс забился где-то в горле. Это было слишком глубоко для «просто дружбы».

— Пошли, Зефир. Подвезу тебя, — хрипло бросил он, не оставляя пространства для возражений.

Я отпиралась каждый божий раз, придумывая нелепые отговорки, на что он неизменно отвечал своим фирменным: *«Зефирка, прекрати меня бесить. Я чертовски устал»*. Рейнар, видимо, считал своей священной обязанностью следить за каждым моим шагом. Перед самым переездом в этот кампус он сдуру дал обещание моему отцу, что со мной ничего здесь не случится. Мой папа верил Торнтону как самому себе, а я теперь была вынуждена терпеть эту круглосуточную гиперопеку.

Я лишь молча поплелась следом за ним к его припаркованной машине. Спорить сейчас было себе дороже: одно лишнее слово, и мне тоже конец. Рейнер в гневе был похож на стихийное бедствие.

В салоне его дорогого внедорожника пахло кожей, кондиционером и всё тем же можжевеловым парфюмом. Рейнар шумно выдохнул сквозь зубы и завел мотор. Он смотрел только вперед, крепко сжимая руль обеими руками до побеления костяшек. Я сидела на пассажирском сиденье тихо, как мышь, и всё так же на автомате нервно крутила несчастный флажок в руке.

Вдруг он совершенно спокойно, без лишних слов потянулся к панели, приоткрыл мое окно, легким движением выхватил пластиковую палочку с эмблемой матча из моих пальцев, выбросил ее к чертям на асфальт парковки и так же невозмутимо нажал на кнопку, закрывая стекло обратно.

Я только рот открыла как рыба, глядя на свои пустые руки, а потом со стуком сложила их на груди и обиженно уставилась на него.

— Просто бесит, что они посреди сезона пихают хрен пойми кого к нам в команду, — процедил он, и костяшки его пальцев на руле побелели еще сильнее. Мы выехали на шоссе, ведущее к окраине кампуса.

— Подумаешь, один человек. У вас в сборной всё равно недобор после того, как Уилсон сломал ногу. Вам в любом случае нужен был нападающий. А этот парень хороший. Играет тоже вроде нормально.

Рейнер на секунду оторвался от дороги и смерил меня таким злым, уничтожающим взглядом, что мне физически захотелось вжаться в глубокое кожаное кресло.

— Вот именно, что вроде, Зефир, — жестко отрезал он, снова переводя взгляд на темную трассу. — Для нас это не просто игра после пар. Я не собираюсь лажать в этом сезоне. Сама знаешь, что сделает мой отец, если я вылечу из основы или мы проиграем чемпионат. Этот старик спит и видит, как засунуть меня в свое душное офисное кресло и похоронить мою карьеру. Хоккей — мой единственный шанс.

Я тихо вздохнула, и моя мимолетная обида из-за выброшенного флажка как-то сама собой испарилась. Я слишком хорошо знала, какое бешеное, удушающее давление Рейн испытывал со стороны семьи. По сути, ледовая арена была его единственным местом абсолютной свободы, где он не был «наследником Торнтонов», а был самим собой.

— Всё будет хорошо, — тихо, но уверенно проговорила я, слегка подавшись в его сторону. — К тому же у меня для тебя кое-что есть.

Я повернулась к заднему сиденью, перетянула к себе свою сумочку и, немного покопавшись среди лекционных тетрадей, достала оттуда большой шоколадный батончик с нугой и арахисом. Настоящая калорийная бомба, которую спортсменам вообще-то нельзя.

Рейнер скосил глаза на плитку в моих руках, и его суровые темные брови удивленно взлетели вверх. Напряжение в его широких плечах начало понемногу спадать.

— Ты тоже только спишь и видишь, чтобы у меня отрасли бока, я потерял скорость и больше не смог выйти на лёд? — проворчал он, но в его низком голосе наконец-то прорезались те самые привычные, теплые дружеские нотки, от которых по телу разлилось приятное расслабление.

Я лишь искренне рассмеялась, качая головой.

— Нет. Только чтобы у тебя на ближайшем матче выпало пару зубов. Уверена, эстетика сурового беззубого хоккеиста тебе чертовски пойдет. Будешь пугать соперников одной улыбкой.

Рейнер наконец-то хрипло, раскатисто рассмеялся, окончательно расслабляя плечи. Тяжелое, душное напряжение в салоне бесследно исчезло, уступая место нашему привычному уюту. Одной рукой он уверенно перехватил руль, а второй ловко забрал у меня батончик, тут же зубами надрывая шуршащую обертку.

— В таком случае тебе придётся выйти за меня замуж, — хмыкнул Торнтон, отправляя в рот приличный кусок шоколада. Его голос прозвучал буднично, но пальцы, сжимающие руль, на мгновение напряглись. — Потому что другие девушки точно больше не захотят со мной встречаться. Беззубый Торнтон — это сокрушительный удар по репутации кампуса.

Я на секунду буквально опешила от такого внезапного заявления и уставилась на его резкий профиль во все глаза. Сердце предательски пропустило тяжелый удар, а к щекам прилила новая волна жара.

— Ты сейчас что, угрожаешь мне? — удивилась я, приподняв бровь и пытаясь перевести всё в шутку, чтобы скрыть глупое смущение.

Рейнер скосил на меня весёлый, искрящийся взгляд, и мы оба громко рассмеялись. Салон машины наполнился звуками нашего привычного, ни к чему не обязывающего хохота. Это было так глупо, так просто и так в нашем стиле, что остатки вечернего стресса окончательно испарились.

Вскоре внедорожник мягко затормозил у моего старого кирпичного дома на окраине. Рейнер, как всегда, дождался, пока я дойду до входной двери и проверну ключ в замке, коротко

хлопнул по рулю в знак прощания и, дождавшись моего ответного кивка, с тихим рычанием сорвался с места.

Я поднялась к себе в полутемную квартиру, на автомате скинула кроссовки и рухнула на кровать прямо в одежде. Закрывая глаза и погружаясь в сон, я почему-то вспомнила не ворчание Торнтона и даже не его шутку про наше замужество. В темноте перед глазами настойчиво всплывали тёплые глаза Чейза Девенпорта и то, как уверенно и красиво он салютовал мне клюшкой через защитное стекло арены.

Глава 3

Если бы в моем колледже выдавали медаль за звание *«Самого эксплуатируемого студента года»*, я бы определенно забрала золото. Желательно высшей пробы.

Из кураторской я выбежала, едва удерживая подбородком огромную, грозящую вот-вот рассыпаться охапку глянцевого бланков и объявлений. Наша деканша лично вручила мне этот неподъемный груз с напутствием развесить информацию на всех информационных стендах кампуса. Речь шла о грядущем Осеннем бале в честь Хэллоуина — главном событии семестра, на которое обязаны были явиться абсолютно все, от первокурсников до преподавательского состава.

Зарывшись носом в пахнущие типографской краской бумаги и сверяясь на ходу с часами на экране телефона, я неслась по главному коридору экономического корпуса на полной скорости. Пятнадцать минут до лекции. Пятнадцать минут, за которые мне нужно оббежать три этажа, не растеряв по дороге остатки своей гордости.

«Быстрее, Миллер, быстрее, или Торнтон сожрет твой пончик на задней парте и займет твое любимое место у окна», — пронеслось в голове.

И именно в этот момент вселенная решила, что моя жизнь течет слишком спокойно и предсказуемо.

На крутом, слепом повороте возле кабинета истории я на полной скорости врезалась в чью-то спину. Ощущение было такое, словно я со всего размаху впечаталась в кирпичную стену. Охапка глянцевого объявлений взмыла в воздух, рассыпаясь белым веером, а я, издав глухой, жалкий писк, не удержала равновесие и со стуком шлёпнулась прямо на линолеум.

— Какого черта... — раздался сверху недовольный, глуховатый мужской голос.

Подняв глаза, я уже приготовилась увидеть какого-нибудь разозленного профессора или высокомерного первокурсника, но на меня сверху вниз смотрело лицо Чейза Девенпорта. Он стоял, слегка потирая лопатку, в которую я прилетела лбом, а его друзья-регбисты позади него уже вовсю прыскали от смеха, перекидывая из рук в руки овальный мяч.

Однако стоило Чейзу опустить взгляд и рассмотреть, кто именно сидит на полу в окружении хэллоуинских бланков, как смех на его лице мгновенно пропал. Глаза нападающего удивленно расширились, а в глубине зрачков вспыхнул искренний интерес.

— Оу, привет, — он тут же сделал широкий шаг вперед, полностью игнорируя своих парней, наклонился и уверенно перехватил мои ладони.

Его руки были большими, сильными и надежными. Чейз помог мне подняться на ноги одним легким, почти невесомым движением, словно я ничего не весила. Он произнес это так бархатно, так мягко и с такой явной заботой, что у меня внутри все перевернулось, а ноги на секунду показались абсолютно ватными. Кажется, я едва не упала обратно, удерживаемая лишь его крепкой хваткой.

— Все хорошо, спасибо, — пробормотала я, судорожно поправляя складки своей короткой трикотажной юбки и пытаюсь вернуть лицу нормальный, не пунцовый цвет. Получалось паршиво — щеки полыхали так, словно их опалило огнем.

Я тут же опустилась на корточки, принимаясь лихорадочно сгребать с пола разлетевшиеся листовки. Чейз, разумеется, не остался стоять в стороне. Как во всех этих дурацких ванильных романтических фильмах, он опустился на корточки рядом со мной, помогая собирать бланки и ловко перехватывая уплывающие от сквозняка листы.

Боже, я такая мечтательная. Вечно мне мерещится эта книжная романтика, но одно только его лицо, находящееся сейчас слишком близко к моему, вызывало у меня табуны ощущений, покалывающих мурашек. От Чейза пахло морозным воздухом катка, хорошим кондиционером для одежды и свежим мятным парфюмом.

Чейз взял один из бланков, бегло пробежался глазами по яркому оранжевому тексту с черепами и тыквами, а затем хитро посмотрел на меня из-под своих идеальных темных кудрей:

— Осенний бал? И... ты придешь туда, Айрис?

От того, как интимно, глубоко и мягко прозвучало мое полное имя из его уст, у меня на секунду перехватило дыхание. Никакого «Миллер», никакого «Зефира». Я замороженно кивнула, даже не подумав соврать или сострить.

Чейз ослепительно улыбнулся, обнажая ровные белые зубы, отчего на его щеках проступили те самые чертовски привлекательные ямочки. Он аккуратно, в несколько раз сложил листок и неторопливо спрятал его в задний карман своих темных джинсов.

— Тогда спасибо за приглашение, — тихо проговорил он, подаваясь чуть ближе.

Его пальцы, все еще хранившие легкую прохладу, внезапно коснулись моего лица. Чейз аккуратно, невесомым движением заправил непослушную светлую прядь волос мне за ухо, намеренно задержав руку на моей щеке на пару секунд дольше необходимого. Его подушечки пальцев буквально обжигали кожу, заставляя сердце пуститься вскачь.

— Пожалуйста, — едва слышно отозвалась я, с трудом сглотнув вязкий ком в горле.

Кое-как выхватив из его рук остатки стопки объявлений, я судорожно кивнула ему на прощание и быстрым, почти бегущим шагом поспешила дальше по коридору, стараясь не оглядываться. Сердце в груди стучало как бешеное, с силой отдаваясь в ушах.

«Это что... сейчас было? Флирт? Свидание? Точнее, приглашение на него?» — крутилось в моей бедной голове, пока я поднималась на следующий этаж.

С остатками плакатов на последнем этаже мне вызвалась помочь Мия. Точнее, как помочь — она просто ходила за мной хвостом, держа в руках тубик клея, и без умолку возмущалась. Наша сладкая парочка снова была в контрах. Мия злилась, потому что Нейт наотрез отказывался идти на Хэллоуин в парных костюмах. Он упрямо хотел быть вампиром, в то время как у нее были совершенно другие, куда более масштабные планы.

— ...На что я ему говорю: Нейтан Коул, включи свои мозги! Кем ты хочешь быть? — передразнила она своего парня, смешно размахивая руками перед моим носом.

— Ну и кем ты хочешь быть? — спросила я, сдерживая улыбку и прижимая очередной плакат к доске объявлений.

— Ядовитым Плющом! Я уже купила это потрясающее зеленое платье с листьями и заказала туфли! А эти его вампиры были в тренде еще в прошлом веке, ясно? К тому же, у него в том году бутафорский клык упал прямо в общий чан с пуншем на вечеринке у футболистов. Мы этот гребаный пластиковый зуб искали полдня в крошечной темноте, пока Итан его чуть не проглотил!

Я расхохоталась так громко, что от смеха случайно прилепила плакат криво, полностью перекрывая свежую распечатку со статистикой успеваемости первокурсников.

— Ладно, бог с ним, с Нейтом, я его допинаю, — Мия махнула рукой, хитро сощуриив свои голубые глаза. — А ты? В чем пойдешь?

— Она идет в костюме тыквы, — раздался сзади низкий, хриловатый голос Рейнера.

Прежде чем я успела обернуться, две тяжелые, теплые ладони по-хозяйски легли мне на плечи, слегка сжимая пальцы. Этот гигант, как обычно, вырос за моей спиной совершенно бесшумно, окутывая меня ароматом можжевельника и возвышаясь надо мной на целую голову. На его красивом лице играла привычная, слегка ленивая ухмылка.

— Никакой тыквы! — отозвалась я, со смешком сбрасывая его руки со своих плеч и разворачиваясь к нему лицом. — Кажется, у меня на этот вечер намечается свидание, и мне нужен красивый наряд, а не позорный оранжевый мешок.

Чтобы не терять времени, я тут же бесцеремонно вручила Рейнеру остатки плакатов и отобрала у Мии клей, всучив его Торнтону.

— Свидание? — Рейнер резко вздернул темные брови, и его ленивая ухмылка мгновенно сползла с лица. В серых глазах промелькнуло что-то ледяное, острое и пугающе жесткое. — Серьезно?

— Чего ты удивляешься?! — возмутилась я, упирая руки в бока и глядя на него снизу вверх. — Представь себе, Торнтон, я тоже, как и вы все, иногда хожу на свидания, флиртую и занимаюсь всей этой ерундой, ясно тебе?

— И кто этот бедняга? — снова поддел он меня, мгновенно вернув на лицо привычную язвительную маску, но костяшки его пальцев, сжимающих несчастную стопку плакатов, заметно побелели. Картон жалобно хрустнул.

Сначала я вообще не хотела ничего им говорить, чтобы не вызывать лишних расспросов и охов Мии. Но из-за этих его бесконечных, задевающих за живое подколов решила уязвить его раздутое эго и выдать правду в лоб.

— С Чейзом. Девенпортом. Ясно?

Мия тут же вытаращила глаза так, будто перед ней только что приземлился НЛО, а в следующую секунду оглушительно, ультразвуком пропищала на весь коридор. Она схватила меня за руки и начала так прыгать от восторга, что её огненно-рыжие кудряшки стали забавно подскакивать во все стороны.

А вот Рейнер... Рейнер просто опешил. Он застыл на месте, словно его вморозило в лед арены. Потемневшие глаза буквально пригвоздили меня к полу, а челюсть сжалась с такой бешеной силой, что, казалось, у него сейчас зубы треснут. Он выглядел так, словно я только что прилюдно отвесила ему оглушительную пощечину.

Пользуясь его ступором, я перехватила визжащую Мию за запястье и решительно потащила её в сторону нашей аудитории, откуда уже доносился спасительный звонок на пару.

— Сами доклейте! — крикнула я через плечо, кивая на застывшего Рейнера и подошедшего к нему Нейтана, который лишь сочувственно похлопал друга по плечу. — Не скучайте, мальчики!

В аудитории макроэкономики было душно и шумно. Я быстро пробралась к нашему постоянному месту на третьем ряду у окна, мечтая просто раствориться в толпе студентов. Мия ушла на свой этаж, Итан уже сидел на галёрке, лениво перекидываясь бумажками с парнями из братства.

Я разложила тетрадь, достала ручку и попыталась сосредоточиться на теме лекции, которую профессор Харрис уже выводил на доске. Но мысли путались. Перед глазами то и дело возникало лицо Чейза, его мягкая улыбка и то, как его пальцы коснулись моей щеки.

Вдруг тяжелая тень упала на мою тетрадь.

Рейнер зашел в аудиторию за минуту до того, как профессор закрыл дверь. Он не смотрел по сторонам, не улыбался девчонкам, которые тут же зашептались при его появлении. На нем лица не было. Торнтон молча подошел к нашему ряду, бесцеремонно заставил какого-то первокурсника пересесть и рухнул на стул прямо рядом со мной.

Он сел так близко, что его бедро плотно прижалось к моему, а от его куртки повеяло ледяным холодом улицы. Рейнер не достал ни тетрадь, ни ручку. Он просто закинул одну ногу на другую, скрестил руки на груди и уставился на доску невидящим, стеклянным взглядом.

— Рей, ты взял конспект? — тихо спросила я, толкнув его локтем в бок.

Он не ответил. Даже не повернул головы. Его профиль казался высеченным из мрамора — холодный, резкий и абсолютно чужой. Обида и злость волной поднялись у меня в груди. Ну и пожалуйста. Хочет молчать — пусть молчит.

Прошло около двадцати минут лекции. Я усердно записывала формулы, стараясь игнорировать то, как сильно его присутствие влияет на мой пульс. Атмосфера между нами была настолько наэлектризованной, что, казалось, чиркни спичкой — и всё взлетит на воздух.

Внезапно под столом большая, горячая ладонь Рейнера легла прямо на мое голое колено, открытое короткой юбкой.

Я вздрогнула и едва не выронила ручку. Его пальцы жестко сжались на моей коже, чуть выше коленной чашечки. Это прикосновение было таким, что у меня внутри все завязалось в тугий узел, а по спине прошел мощный разряд тока.

— Рейнер,пусти, — прошептала я, испуганно косясь на профессора Харриса.

Торнтон медленно, очень медленно повернул ко мне голову. Его серо-стальные глаза были темными, почти черными. Он не убрал руку. Напротив, его большой палец медленно, с сильным нажимом двинулся вверх по моему бедру, заставляя меня судорожно вздохнуть и до боли вцепиться пальцами в край стола.

— Ты не пойдешь с ним, Зефир, — тихо, но так веско прошептал он, что его низкий голос прошел меня до самых костей. — Я не разрешаю.

— Ты мне не парень, Торнтон, чтобы разрешать или запрещать, — огрызнулась я, хотя мой собственный голос предательски дрожал от той бешеной химии, которая сейчас искрила между нами под столом. Я попыталась сбросить его руку, но он лишь крепче сжал мое бедро, заставляя меня вспыхнуть от кончиков ушей до пят.

— Мне плевать, — процедил он сквозь зубы, приближая свое лицо к моему так близко, что я видела, как расширены его зрачки. — Кем бы я ни был, ты никуда с ним не пойдешь. Считай это моим предупреждением, Миллер.

Он резко отдернул руку, пряча её в карман куртки, и снова отвернулся к доске, оставляя меня сидеть с пылающим лицом и бешено колотящимся сердцем.

Глава 4

До Хэллоуина оставался почти месяц, но мой шкаф уже напоминал поле боевых действий. В комнате тихо играл какой-то инди-плейлист, а я, стоя перед зеркалом в облегающем трикотажном платье, вовсю крутилась и пыталась понять, насколько выгодно оно подчеркивает фигуру.

Мои мысли были полностью заняты Чейзом Девенпортом. Я перебирала в голове варианты нарядов, отчаянно размышляя, как произвести на него впечатление и понравиться еще сильнее. Бабочки в животе устраивали настоящий бунт при одном воспоминании о том, как его пальцы заправляли мне прядь за ухо, обжигая кожу прохладной нежностью. Мне хотелось быть красивой для него. Хотелось этой книжной, правильной романтики, где парень смотрит на тебя так, словно ты — центр его вселенной.

Из любовных размышлений меня бесцеремонно вырвал резкий, настойчивый звонок в дверь.

Я вздрогнула и бросила взгляд на настенные часы. Стрелки плавно приближались к одиннадцати часам. Кого там принесло в такой час?

Я подошла к двери, щелкнула замком, и стоило мне потянуть ручку на себя, как в прихожую, едва удерживая равновесие, буквально упал Рейнер. Он навалился на меня всей своей огромной, тяжелой тушей, обдав убийственным запахом крепкого алкоголя и табачного дыма.

— Эй! Ты с ума сошел?! — тут же возмутилась я, упираясь ладонями в его твердую, как каменная плита, грудь, чтобы мы оба не полетели на пол.

Кое-как, кряхтя и ругаясь под нос, я дотащила этого стокилограммового хоккеиста до гостиной. Рейнер с глухим стоном грохнулся на диван лицом вниз, раскинув мощные руки в стороны. Я шумно выдохнула, вернулась в коридор, закрыла входную дверь на все замки и, вернувшись, встала над ним, сурово сложив руки на боках.

— И-и-и... Что на этот раз, Торнтон? — требовательно спросила я.

За все долгие годы нашей дружбы я видела Рейнера по-настоящему пьяным всего два раза. Первый раз — после смерти его мамы, когда нам было по шестнадцать. Тогда он сидел со мной на скамейке в парке, глушил дедовский виски из горла, а потом его знатно стошнило прямо на мои новые кроссовки. Второй раз — на его восемнадцатилетие. Он на спор опрокинул в себя целую бутылку бурбона после того, как изрядно попил пива с парнями из команды, и в итоге испортил мою любимую кофту, которая мирно лежала на шезлонге у бассейна.

Помятая о его богатом алкогольном анамнезе, на этот раз близко подходить к дивану я не стала. Безопасная дистанция — залог сохранности моих вещей.

Рейнер с трудом перевернулся на бок, приоткрыл один помутневший глаз, лениво окинул меня долгим взглядом с ног до головы и едва заметно дёрнул уголком губ. В его расфокусированном зоре скользнуло что-то странное, острое, от чего у меня по спине пробежали мурашки.

— Ты куда-то идёшь? — прохрипел он, кивая на мое платье, которое я так и не успела снять.

— Нет, просто... примеряю кое-что, — буркнула я, чувствуя, как щеки снова заливают глупый румянец. — Так что случилось? Не говори только, что тебя бросила очередная девица.

Рейнер издал хриплый, утробный смешок, утыкаясь носом в подушку:

— Ты же знаешь, Зефир... они меня не бросают.

— Да-да, конечно. Потому что ты у нас весь такой крутой, незаменимый мачо, — закатила я глаза, направляясь на кухню, чтобы заварить этому хоккеисту самый крепкий, убийственный кофе, на какой только способна моя кофемашина.

Когда я вернулась в гостиную с дымящейся чашкой, Рейнер уже успел принять вертикальное положение. Правда, сидел он, тяжело откинув голову на спинку дивана и прикрыв глаза, словно само нахождение в пространстве давалось ему с колоссальным трудом.

— На, держи, — я протянула ему кофе.

Торнтон тут же вздёрнул голову, сфокусировал на мне мутный взгляд и аккуратно принял кружку. Я вздохнула и села на противоположный край дивана, поджав под себя одну ногу.

— Ну? Что случилось-то? Какого черта ты решил так напиться в самый разгар тренировок? Ты же капитан, Рей.

— Отец прислал сообщение, — глухо отозвался Рейнер, глядя на черную поверхность жидкости в чашке. — Через неделю мы летим в Нью-Йорк. На три дня. Какая-то закрытая сделка с инвесторами и благотворительный вечер, где я обязан светить лицом рядом с ним. Костюмы, фальшивые улыбки, вот это всё.

— И ты из-за этого так накидался? Серьезно? — я удивленно округлила глаза.

В ответ Рейнер лишь лениво и тяжело дёрнул одним плечом. Вверх и вниз. Наш дурацкий жест. *«Полный отстой»*.

— О нет, даже не делай так сейчас! — тут же возмутилась я, забирая у него из рук чашку, пока он её окончательно не выронил на ковер. — Это действительно неприятно, Торнтон. Только отстой не то, что тебя заставляют лететь, а то, что ты творишь со своим телом перед важными матчами. Я думала, у тебя случилось что-то по-настоящему серьезное, к примеру как...

Я внезапно запнулась, не решаясь произнести вслух «как тогда, с мамой». Но Рейнер понял меня без слов. Его челюсть упрямо сжалась.

— Это серьезно, Лив, — тихо проговорил он, и у меня внутри всё болезненно сжалось.

Когда Рейнер Торнтон звал меня не своими дурацкими кличками, а моим настоящим именем, это означало только одно — его фасад сломан. Ему действительно чертовски паршиво.

— Слушай... ты ведь не думаешь, что всё полетит к чертям всего из-за трех дней? — уже мягче сказала я, пододвигаясь чуть ближе по дивану. — Учеба только началась. Ты всё отыграешь, ты лучший защитник в лиге. Просто поговори с тренером, поставь замену на это время. У всех бывают семейные сложности, он поймет.

— Ты такая глупая, Зефир, — простонал Рейнер, качая головой.

И прежде чем я успела возмутиться, он резко подался в мою сторону и навалился всем телом. Только на этот раз не на подушку. Он бесцеремонно опустил свою тяжелую голову прямо мне на колени, утыкаясь лицом в тонкую ткань моего трикотажного платья.

От неожиданности я замерла, боясь даже вздохнуть. Его горячее дыхание прожгло ткань, опалая кожу моих бедер. Внутри все завертелось в бешеном вихре. Рейнер зарылся лицом сильнее, словно искал во мне спасение от всего мира. Его большая, мозолистая ладонь собственнически, тяжело легла на мое бедро, пальцы слегка сжались, удерживая меня на месте и не позволяя подняться. От этого прикосновения у меня перехватило дыхание.

— Эй! Ты что, собираешься тут ночевать? — я попыталась приподняться, но у этого пьяного была слишком тяжелая хватка.

— Я уже сплю, Зефирка... Прекрати кричать, у меня раскалывается башка, — пробормотал он куда-то мне в ногу, и его пальцы на моем бедре расслабились, но руку он так и не убрал.

Я всё же с трудом, стараясь не делать резких движений, вырвалась из-под него, аккуратно переложив его голову на мягкий валик дивана, и поднялась на ноги, тяжело дыша.

— Рейнер, ты не можешь каждый раз приходить сюда и просто спать здесь, когда тебе вздумается! — Я обреченно обвела руками полутемную гостиную, пытаюсь унять бешеный стук сердца. — Ты посмотри вокруг. Ты же почти прописался в моей квартире! В ванной стоит твоя запасная зубная щётка, бритва и гель. В моем шкафу висит пара твоих дурацких огромных

толстовок. На кухне — чай, который пьешь только ты. По углам вечно валяются твои клюшки, шайбы, тетради... Если ты так тихонько ко мне переезжаешь, то я официально против!

Конечно же, он ничего не ответил. Рейнер уже мерно и глубоко дышал, окончательно провалившись в тяжелый пьяный сон.

Я лишь устало поджала губы, глядя на его до невозможности красивое и сейчас такое измученное, расслабленное лицо. Вся моя злость улетучилась, оставив после себя только привычную, щемящую нежность. Я опустила на корточки, аккуратно стащила с его огромных ног кроссовки, поставив их у порога, а затем принесла из спальни теплый плед. Накрыв Торнтон до самого подбородка и осторожно подложив под его голову подушку, я еще несколько секунд постояла рядом, слушая его дыхание.

Мне было безумно жаль его. Мы дружили слишком долго, прошли вместе через слишком многое, и я знала изнанку его идеальной жизни слишком хорошо, чтобы вот так просто взять и прогнать его в ночь.

Переодевшись в пижаму, я вернулась в свою комнату и легла в кровать, но сон не шел. Я лежала в темноте, глядя в потолок, и лениво размышляла о Рейнере. Почему он так упрямо, до зубовного скрежета отказывается работать на своего отца? Наверное, понять его по-настоящему мне было сложно. Я почему-то думала, что ему просто не хочется расставаться с той роскошной, беззаботной жизнью, которая у него была сейчас. Постоянное внимание девочек, статус хоккейной знаменитости кампуса, абсолютная свобода действий... А там, в огромной корпорации Торнтон-старшего, его ждали вечная бумажная работа, душные костюмы-тройки и жесткая ответственность. А Рейнер и ответственность за миллиардный бизнес — это, по моему твердому убеждению, были две абсолютно несовместимые вещи. Ему нужен был лед, а не офисные стены.

Правда, построить логические цепочки до конца мне так и не удалось. И, конечно же, я не спала всю оставшуюся ночь.

Где-то около половины первого Рейна начало тошнить с такой непреодолимой силой, что мне пришлось экстренно подпрыгивать с кровати. Оставшиеся три часа я провела сидя над ним в обнимку с пластиковым тазом. Я прекрасно знала, что этот придурок совершенно не умеет пить крепкий алкоголь в таких количествах. Знала, что за каждую подобную выходку судьба выставляет ему суровый счет в виде похмелья, но чтобы так сильно...

— Нет, Торнтон, ты точно после этого дерьма будешь обязан оплатить мою аренду как минимум на полгода вперед, — ворчала я, удерживая его за холодный, покрытый испариной лоб и бережно убирая растрепанные пряди с его лица. Мои пальцы то и дело касались его горячей шеи, и внутри все замирало от странного, запретного чувства. — Я не подписывалась на работу круглосуточной сиделки для заносчивых хоккеистов.

— Прости... Зефирка... — едва слышно прошептал он в перерыве между очередными спазмами, тяжело, со свистом дыша и утыкаясь лбом в край таза. Его плечи мелко дрожали от слабости.

— Боже, он еще и говорить умудряется, — поразила я, качая головой, но аккуратно протягивая ему стакан с прохладной водой, чтобы он мог прополоскать рот. Моя ладонь наткнулась на его подрагивающие пальцы, и мы на секунду замерли, обмениваясь лихорадочным теплом.

В итоге парню стало легче только к четырем часам утра. Алкогольный яд наконец-то покинул его сильное тело, и Рейнер, бледный, измотанный и абсолютно обессиленный, рухнул обратно на диван в гостиной, мгновенно отключаясь и утягивая плед на себя.

Я унесла таз, тщательно вымыла руки и устало поплелась в свою комнату. За окном уже начинало едва заметно сереть хмурое осеннее небо Оквуда. Спать оставалось от силы три часа, а на моем лице гарантированно пропишутся такие синяки, что никакой консилер Мии их не замажет.

Но, засыпая и натягивая одеяло до носа, я поймала себя на странной, пугающей мысли: я ни разу за эту адскую ночь не пожалела о том, что открыла ему дверь. И бабочки в моем животе, которые еще вечером порхали от мыслей о Чейзе, сейчас тихо замерли, уступив место тяжелой, тягучей нежности к парню, который спал на моем диване.

Глава 5

Бездушный, мерзкий будильник разразился противным звоном ровно в восемь утра. Моя смена в «Пряничном латте» сегодня начиналась в полдевятого, и я подскочила с постели как ошпаренная. Пары в университете были только с десяти, но я сдуру согласилась подменить Джейку на час.

Я собралась за считанные минуты, на ходу натягивая джинсы и завязывая светлые волосы в небрежный пучок, потому что мне нужно было еще успеть добежать до нашей кофейни у кампуса Оквуда.

Когда я на полной скорости выбежала в гостиную, Рейнера там уже не было. Зато на журнальном столике обнаружился аккуратно свернутый плед, подушка и вырванный из моей лекционной тетради листок, исписанный его размашистым, небрежным почерком. Я схватила бумажку, пробегая глазами по строчкам:

«Зефирка, прости за ночной визит. И за всё, что я мог натворить, потому что я ни хрена не помню. Серьезно, в башке полный белый шум. Если мы переспали, то я полный кретин. Потому что кретин я вдвойне из-за того, что ничего из этого секса не помню. А если у меня вдруг не встал, то, боже, просто никогда мне об этом не напоминай. Твой лучший друг (который сейчас умирает от похмелья на тренировке)».

Я закатила глаза, но так и не смогла сдержать глупого смеха. В этом был весь Торнтон. Даже умирая от жуткого перепоя, он умудрялся пошлить и строить из себя альфа-самца. Покачивая головой, я спрятала записку в карман джинсов. Вся эта ситуация заставила меня улыбнуться. Голова гудела от дикого недосыпа, но я мысленно сделала себе жирную зарубку на носу: про эту ночь я ему обязательно напомню. В самый подходящий момент, когда захочу как следует отомстить этому хоккеюге.

В кафе я прибежала вовремя и на чистом автомате успела обслужить добрую половину утренних заспанных студентов, когда в дверях наконец появился Чейз.

Я тут же мысленно прокляла себя за то, что из-за бешеной спешки даже не успела нанести легкий макияж, а под глазами наверняка красовались темные тени после ночного дежурства с пластиковым тазом. Но, судя по ослепительной, довольной улыбке Девенпорта, он этого даже не заметил. Он шел к стойке свободной походкой, лениво приковывая к себе восхищенные взгляды девчонок за столиками.

— Привет, Айри, — проговорил он, облакачиваясь на деревянную столешницу между нами и заглядывая мне прямо в глаза. От него веяло утренней свежестью и безупречной уверенностью.

— Привет, — я улыбнулась, стараясь дышать как можно ровнее. Пульс снова начал предательски частить. — Чего будешь пить? Как обычно, американо?

— Да, пожалуйста, — отозвался он, не разрывая нашего плотного зрительного контакта. — И... как насчет свидания сегодня вечером?

Я немного опешила. Вот так сразу? Прямо у кассы, на глазах у толпы студентов?

Чейз, заметив мою секундную заминку, тут же слегка стушевался, и на его щеках проступили те самые очаровательные ямочки:

— Или у тебя уже кто-то есть? Черт, а я придурок, сразу попер напролом...

— Нет-нет! — тут же перебила я его, смущенно заулыбавшись и чувствуя, как внутри разливается приятное тепло. — Всё в порядке. Куда пойдём?

— Может, в кино? — предложил он, заметно расслабившись и выдохнув.

— Хорошо, кино я люблю, — отозвалась я, плавно поворачиваясь к кофемашине.

И в этот самый момент над входной дверью пронзительно и громко зазвонил колокольчик. Я обернулась и почувствовала, как внутри всё мгновенно закипает от злости. В кофейню

вальяжной, хозяйской походкой заходил Рейнер. И, конечно же, под руку с очередной спутницей в вызывающе коротком наряде.

Я сжала зубы так сильно, что заболели челюсти. Да как он смеет?! У него еще и сил на это хватает! Всю ночь спать мне не давал, хрипел над тазом и умолял о прощении, а сейчас уже всю выгуливает новую страсть! Кобель несчастный.

Чейз, заметив, как я резко изменилась в лице, проследил за моим недовольным взглядом и посмотрел в сторону Торнтона.

— Твой бывший? — небрежно спросил регбист, слегка приподняв бровь.

Я скривилась так, будто разом съела целый лимон.

— Нет. Мы просто дружим. Просто он идиот, — отрезала я, с глухим стуком ставя перед Чейзом стакан с горячим американо.

— Понял, — Чейз мягко улыбнулся, мастерски переводя всё мое внимание обратно на себя, и протянул мне свой навороченный смартфон. — Так во сколько, ты говоришь, освобождаешься? Давай в семь. Я заеду за тобой. Напишешь свой адрес и номер?

Конечно же, я взяла телефон и быстро вбила свои цифры в строку контактов. Чейз тут же сохранил меня, в открытую подписав как «Айри» и добавив смайлик маленькой тыквы. Он сразу же сделал звонок на мой мобильный, чтобы у меня остался его номер, хитро подмигнул и забрал свой стакан.

— Заеду в семь! — крикнул он уже у самого выхода, весело помахав мне телефоном.

— Ладно! — крикнула я в ответ, маша ему рукой и чувствуя, как бабочки в животе снова начинают свой сумасшедший танец.

Я демонстративно уставилась на дисплей кассового аппарата, принципиально отказываясь смотреть в сторону дальнего столика, где сидел Рейнер. Я буквально кожей, каждым волоском на теле чувствовала его дурацкий, тяжелый и жгучий взгляд, направленный прямо на меня. Но никаких идиотских шуток и разборок на сегодня. У меня вечером свидание. Настоящее, с потрясающим парнем. И никто, особенно один заносчивый похмельный хоккеист, этот день мне не испортит.

После утренней смены началась обычная студенческая рутина. В обеденный перерыв мы всей нашей бандой, за исключением Нейтана, у которого была какая-то важная пересдача по архитектурному проектированию, сидели в шумной столовке кампуса. Вокруг звенели подносы, студенты гудели, а мы болтали, смеялись и лениво ковыряли вилками свои ланчи.

Конечно же, я не выдержала и шепотом поделилась с Мией главной новостью утра — Чейз позвал меня в кино. Реакция Брукс превзошла все ожидания.

— Так, стоп! — Мия бросила свой салат и замахала руками. — Нужно собраться заранее! Я сегодня же заеду к тебе после пар со своими нарядами, потому что всё то, что есть в твоём шкафу, Лив, — это полный отстой для первого свидания.

— Ой, да ладно тебе. Чего это сразу отстой? — раздался прямо над моим ухом ленивый, хриплый голос, и на свободный стул рядом со мной бесцеремонно плюхнулся Рейнер. От него пахло свежим похмельным душем, мятной жвачкой и дорогим парфюмом. — У нее в шкафу есть очень даже милое чёрное платье. Ну, то, которое до колен.

Я резко повернулась к нему, опаливая его самым злым взглядом, на какой только была способна. От его опасной близости по коже пробежала волна жара, напоминая о том, как его голова лежала на моих коленях всего несколько часов назад.

— Торнтон, а тебя там разве не ждёт твоя новая страсть? — ядовито поинтересовалась я. — И откуда ты вообще помнишь длину моих платьев?

— А ты что, ревнуешь уже, Зефирка? — отозвался он, нагло ухмыляясь и без зазрения совести ворую с моей тарелки картошку фри. Он наклонился еще ближе, так что тепло его тела окутало меня, и понизил голос до интимного шепота: — Слушай, если мы вчера всё же

переспали, то просто напомни мне об этом сегодня ещё раз, ладно? Я бы с огромной радостью повторил, вместо того чтобы отпускать тебя на какое-то дурацкое кино с регбистами.

Я закатила глаза, чувствуя, как лицо заливают пунцовая краска, а сердце бьется где-то в горле. Рейнер был просто невыносим!

Но самое худшее случилось в следующую секунду. Мия и Итан, которые до этого момента мирно жевали, синхронно замерли. Их глаза округлились до размеров чайных блюдец, а Итан даже выронил свой сэндвич обратно на поднос.

— Вы... чего?! Переспали?! — громко, на добрую половину столовой проговорил Итан, хватаясь за голову. — Нет, только не говорите мне, что вы теперь тоже ванильная парочка! Я же в этой компании один в одиночках умру!

— Боже, нет! Прекрати орать, Картер! — я отчаянно замахала руками, готовая провалиться сквозь землю под дикий хохот Мии. — Никто ни с кем не спал! Просто этот идиот вчера нализался в хлам и рыгал всю ночь у меня в гостиной. А я, как проклятая нянька, до четырех утра вертелась около него с тазом!

Рейнер, который в этот момент как раз решил сделать глоток своего холодного кофе, резко вытарашил глаза, поперхнулся и знатно, оглушительно закашлялся. Его привычная бледность мгновенно сменилась густо-бордовым румянцем, пока Итан и Мия буквально ложились на стол от грохочущего ржача. Главного мачо и бабника кампуса только что публично спустили с небес на землю.

— Миллер... — пробурчал Торнтон, судорожно утирая рот салфеткой и злобно косясь на ржущего во весь голос Картера. — Лучше бы у меня реально не встал, чем этот твой позорный компромат.

Я тоже не выдержала и весело рассмеялась, глядя на его недовольную мину. Ладно, счет за испорченную ночь можно считать частично закрытым.

— Ладно, шутники, я пошла, — сказала я ребятам, поднимаясь из-за стола и подхватывая свой рюкзак. — Мне ещё нужно родителям позвонить, пока большая перемена не закончилась.

Я сделала шаг от стола, но напоследок обернулась к Рейнеру, который всё ещё пытался вернуть себе невозмутимый, гордый вид:

— И кстати, Торнтон... Я обязательно скажу отцу, что ты совершенно не справляешься со своей миссией. Судя по прошедшей ночи, это я за тобой тут слежу и спасаю твою шкуру, а не ты за мной.

Послав ему воздушный поцелуй, от которого он лишь страдальчески застонал и закрыл лицо ладонями, я поспешила к выходу из столовой.

Часам к пяти вечера моя маленькая съемная квартира на окраине кампуса окончательно превратилась в филиал сумасшедшего дома. Мия всю уже хозяйничала у меня в спальне, устроив на кровати настоящий склад из своих вещей, а парни... парни как ни в чем не бывало оккупировали гостиную, включив приставку. Я понятия не имела, как у них это вообще происходит и почему они вечно собираются именно у меня, словно тут медом намазано.

— Вообще-то, Брукс, мне не нужна была группа поддержки, — отозвалась я, уворачиваясь от подруги, которая в очередной раз пыталась напаять на меня обтягивающее мини-платье. — Мы просто идём в кино. Обычный сеанс, попкорн, темнота. Ничего такого.

— Конечно-конечно, — саркастично закивала Мия, критически осматривая мою фигуру. — Сначала в кино, потом на заднее сиденье его машины, а потом к нему в постель. Знаем мы этих регбистов, плавали. И вот это ещё надень!

Она резко развернулась и швырнула в меня роскошный, чертовски откровенный комплект дорогого черного кружевного белья. И надо же было случиться такому совпадению, что стоило мне на лету перехватить эти невесомые кружева, как дверь в спальню без стука с грохотом распахнулась. На пороге нарисовался Итан, а за его широкой спиной маячил Нейтан.

— Эй, Лив, там Рейн доедает послед... — начал было Итан и осекся на полуслове.

Парни замерли как вкопанные, вытаращив на меня глаза. Картинка и правда была специфическая: я стою посреди комнаты в полурасстегнутом платье, а в руках держу комплект, который явно намекал на очень бурное продолжение вечера. Кожа мгновенно покрылась мурашками от их взглядов.

— Ого... — синхронно выдали эти два придурка. Итан восхищенно присвистнул: — Выглядишь здорово, Миллер. Эй, Рейн! Слышь! Тут Лив идёт на свидание вообще без белья! — заорал он на всю квартиру так, что у меня чуть барабанные перепонки не лопнули.

Нейтан рядом с ним просто дико заржал, прислонившись плечом к деревянному косяку.

— Пошли вон отсюда, извращенцы недоделанные! — тут же визгливо крикнула Мия, хватая с тумбочки большую декоративную подушку и со всего размаху швыряя её в парней.

Где-то в коридоре уже слышались тяжелые, стремительные шаги Торнтона, который, судя по звукам, целенаправленно бежал к моей комнате с набитым рогом и сэндвичем в руке. Но Мия сработала на опережение — она с силой толкнула дверь, и та с оглушительным щелчком захлопнулась прямо перед самым носом Рейнера.

— Мия, твою мать! — донесся из-за двери приглушенный, дико недовольный бубнеж Торнтона. Он явно пытался прожевать мой сэндвич на ходу. — Ты снова всем всё показала, а мне нет! Какого хрена?

— Переживешь! — рявкнула Брукс в закрытую дверь. — На своих моделей посмотришь, Торнтон!

Я лишь искренне расхохоталась, утыкаясь лицом в ладони. С этой бандой остаться загадочной девушкой было просто физически невозможно.

— Слушай, я думаю, это платье — слишком, — проговорила я, критически осмотрев свое отражение в зеркале и принимаясь решительно расстегивать молнию. — Чейз подумает, что я слишком отчаянно пыталась его впечатлить. Это не в моем вкусе.

Но кружевное белье я под одежду всё же передела. Просто так, для собственной внутренней уверенности. Тонкая ткань приятно ласкала кожу. Вместо вызывающего платья я выбрала более комфортный, но стильный вариант: надела простой облегающий топ, короткую джинсовую юбку, а сверху накинула уютный лонгслив на пуговицах. Мия, конечно, немного поворчала для приличия, но признала, что в этом наряде я выгляжу одновременно чертовски мило и сексуально.

На часах было уже полседьмого. До приезда Чейза оставалось тридцать минут, и мой желудок начал медленно сжиматься от приятного, волнительного предвкушения.

Когда мы наконец вышли из спальни в гостиную, я застала парней в полном составе. Итан и Нейтан сидели на моем стареньком диване, синхронно скрестив руки на груди, с такими важными и суровыми лицами, словно я вышла к ним на международную оценку.

Рейнер сидел чуть поодаль, лениво развалившись в глубоком кресле. Его взгляд скользнул по моим открытым ногам, и я заметила, как на секунду потемнели его глаза, а челюсть упрямо сжалась. Стоило мне сделать шаг вперед, как Нейтан молча поднялся с дивана, с абсолютно серьезной миной подошел ко мне и без лишних слов уверенно вложил мне прямо в ладонь маленький квадратный пакетик контрацептивов.

— Держи, Лив. Мы все прекрасно знаем, чем обычно заканчиваются эти ваши «походы в кино», — усмехнулся он, многозначительно косясь на хохочущую Мию.

— Твою мать, Коул, меня сейчас снова стошнит, — страдальчески простонал из своего угла Рейнер, демонстративно закрывая глаза рукой до побеления костяшек. Вся эта тема с моим свиданием явно действовала ему на и без того больную после бурной ночи голову. В его голосе сквозила едва сдерживаемая ярость.

Я лишь закатила глаза, чувствуя, как щеки обдаёт мощным жаром, и быстрым движением закинула этот «сувенир» на самое дно своей сумочки.

— Ну уж нет, Торнтон. Убирать за тобой на этот раз будешь сам, — ехидно отбрила я его. — У меня сегодня свидание, так что крутись как хочешь.

Парни дружно и громко загоготали на всю квартиру. Я накинула легкую куртку, обула любимые кеды и, строго пригрозив этой банде: «*Чтобы бардак мне тут не оставляли!*», буквально выпорхнула за дверь, улетая на крыльях абсолютного счастья.

Внизу меня уже ждал Чейз.

Глава 6

Я выбежала из дверей подъезда, на ходу застегивая молнию легкой куртки. Вечерний воздух Оквуда уже приятно, ободряюще холодил кожу, смывая остатки дневного напряжения. Чейз ждал меня у своей машины, лениво подпирая плечом водительскую дверцу блестящего черного седана. Стоило ему заметить меня, как его лицо озарила ослепительная улыбка. Глубокие, чертовски привлекательные ямочки на щеках в сочетании с привычной харизмой буквально сводили меня с ума. У меня внутри всё сладко, тягуче сжалось в предвкушении.

— Привет! — тут же отозвалась я, невольно ускоряя шаг.

Чейз оттолкнулся от машины, сделал пару уверенных шагов навстречу и просто, без лишних пафосных разговоров, мягко наклонился и поцеловал меня в щеку. Это было короткое, почти джентльменское прикосновение, но моя кожа в месте контакта его губ словно загорелась, а глупое сердце сделало ощутимый, тяжелый кульбит и ухнуло куда-то в район ребер.

— Привет, Айри. Ты потрясающе выглядишь, — его низкий, бархатный голос окутал меня осязаемым теплом.

Он плавно обошел машину, по-рыцарски открыл передо мной пассажирскую дверь и, дождавшись, пока я усядусь в глубокое кресло, аккуратно её закрыл. В салоне его авто приятно пахло дорогой новой кожей и мятной свежестью. Когда Чейз сел за руль, он негромко включил расслабляющую музыку, и мы поехали по оживленному, залитому неоновыми огнями вечернему городу.

В кинотеатре было шумно и людно. Мы стояли в длинной очереди у кассы, весело выбирая, какой попкорн взять. Чейз упрямо настаивал на огромном ведре сырного, а я требовала сладкий карамельный. В итоге этот невыносимый регбист просто купил два средних ведра разных вкусов, безапелляционно заявив, что на первом свидании компромиссы не работают.

Сам сеанс прошел для меня как в тумане. Мы смотрели какую-то незамысловатую комедию, постоянно перешептывались в темноте зала, смеялись, а в самые забавные моменты Чейз как бы случайно задевал своим плечом мое. Это мимолетное физическое присутствие отзывалось во мне щекочущим током. Напряжение между нами росло с каждой минутой, приятное, будоражащее и заставляющее пульс биться чаще.

После фильма мы решили не ехать сразу обратно. Нам обоим отчаянно не хотелось заканчивать этот вечер, поэтому мы пошли прогуляться по освещенным аллеям парка недалеко от кинотеатра.

— Слушай, а как ты вообще успеваешь и учиться на дневном, и в кофейне вкалывать? — Чейз засунул руки в карманы куртки, с теплой улыбкой глядя на меня сверху вниз. — Я видел твоё расписание в кураторской. Это же адский, изматывающий график.

— Ну, жить на что-то надо, — я слабо улыбнулась, пиная носком кеда упавший кленовый лист. — Родители помогают, чем могут, но колледж — штука дорогая. Да и мне нравится быть независимой, не хочу висеть у них на шее. Мечтаю после выпуска зацепиться за хорошее место, переехать в мегаполис и заняться администрированием или ресторанным бизнесом. А ты? Твоя жизнь — это только поле, мяч и тренировки?

— Почти, — Чейз хрипло рассмеялся, и в его глазах на секунду промелькнула удивительная, глубокая серьезность. — Спорт — это моя огромная страсть, сколько себя помню. Отец рано приобщил к нагрузкам. Но перевелся я в Оквуд, если честно, не только из-за сильной программы университета.

— А из-за чего? — полюбопытствовала я.

— Здесь, в паре миль от кампуса, живет моя младшая сестра, — он мягко улыбнулся, и его лицо потеплело. — Она поступила на первый курс медицинского, и ей безумно тяжело дается адаптация в чужом городе. Родители далеко, вот я и решил перевестись поближе, чтобы

помогать ей, присматривать и забирать к себе на выходные, когда на нее накатывает тоска по дому.

Я удивленно и с нарастающей теплотой посмотрела на его профиль. Популярный спортсмен, звезда лиги, любимец девушек — и такой заботливый, надежный брат. В моих глазах его акции мгновенно взлетели до небес. Контраст с Торнтоном, который только и делал, что тусовался в домах братств, колол сознание.

Мы болтали обо всем на свете: о дурацких профессорах, о любимой еде, о шрамах. Я совершенно не заметила, как стремительно пролетело время и на город опустилась глубокая прохладная ночь. Кампус уже спал, когда мы наконец замерли около его машины.

Обратная поездка до дома пролетела для нас как одно прекрасное, невесомое мгновение. Мы снова без умолку болтали, шутили и смеялись, обсуждая глупые моменты из фильма. Напряжение, которое слегка сковывало меня в начале вечера, окончательно растворилось. Рядом с Чейзом было удивительно легко, правильно и спокойно.

Где-то на полпути к моему району он внезапно притормозил около небольшого кругло-суточного магазинчика, чья неоновая вывеска ярко горела в темноте.

— Подожди меня пару минут в машине, ладно? Я быстро, — улыбнулся он и, не дожидаясь ответа, выскочил на прохладный ночной воздух.

Я удивленно проводила его взглядом. Чейз вернулся действительно быстро. Дверь внедорожника распахнулась, и мне в руки буквально уткнулся огромный, невероятно красивый букет свежих цветов. От них потрясающе, одуряюще пахло весной, сладостью и свежесрезанными стеблями.

— Не стал дарить сразу, подумал, что тебе будет неудобно таскаться с ним в кинотеатре, — Чейз сел за руль, бросив на меня быстрый, слегка смущенный взгляд.

— Боже, Чейз... Спасибо, они просто прекрасны, — я уткнулась носом в прохладные, влажные бутоны, отчаянно пытаюсь скрыть пылающие щеки.

Мое сердце снова пустилось вскачь, выстукивая сумасшедший ритм. Парни еще никогда не дарили мне таких роскошных букетов просто так, без повода, на первом же свидании. Торнтон, если и покупал мне цветы на праздники, то это обычно был какой-нибудь убогий маленький кактус в горшке со словами: *«На, Миллер, он такой же колючий и бесячий, как и ты, ухаживай за ним»*. Контраст был просто разительным, и это заставляло меня чувствовать себя желанной девушкой.

Когда мы наконец подкатили к моему старому кирпичному дому, я еще раз тихо поблагодарила его за вечер и вышла из машины. Конечно же, Чейз не остался сидеть в теплом салоне — он мгновенно заглушил мотор и вышел следом за мной.

Мы постояли у капота под тусклым светом фонаря. Чейз сделал уверенный шаг ближе, полностью сокращая расстояние между нами и вынуждая меня слегка закинуть голову. Его большие ладони аккуратно, бережно перехватили мои пальцы. Мы стояли в полумраке двора, чувствуя дыхание друг друга.

— Слушай, Айри... Пойдешь со мной завтра погулять? После тренировки. Если ты, конечно, не занята в кофейне, — его голос прозвучал неожиданно тихо, с хрипловатой, интимной ноткой.

— Конечно. Я с огромным удовольствием, — я открыто улыбнулась, даже не пытаюсь строить из себя недотрогу.

Чейз облегченно, шумно выдохнул, и на его лице снова проступили эти сводящие меня с ума ямочки. Он медленно отпустил мои руки, но вместо того, чтобы отступить, его ладони плавно скользнули вверх, ложась на мою талию и притягивая меня ближе к своему горячему телу.

Я затаила дыхание. Всё вокруг перестало существовать: и холодный ветер, и тусклый фонарь, и качающиеся деревья. Чейз медленно наклонился, и его губы накрыли мои.

Это был не просто мимолетный чмок в щеку. Его поцелуй был мягким, глубоким и невероятно чувственным. Его теплые, влажные губы уверенно сминали мои, пробуя их на вкус, словно ту самую карамель из кинотеатра. По телу мгновенно пронеслась волна жара, заставив колени подогнуться. Внизу живота всё сладко, мучительно стянулось в тугой узел. Я неосознанно подалась вперед, упираясь ладонями в его тяжелую грудь, чувствуя, как бешено бьется его сердце. Чейз углубил поцелуй, его язык слегка коснулся моих губ, заставляя меня издать тихий, едва слышный выдох прямо ему в рот. Моя голова закружилась от этого пьянящего, душного ощущения близости. Тонкое кружевное белье под одеждой казалось обжигающим.

Когда он медленно, нехотя отстранился, его дыхание было рваным. Он нежно провел большим пальцем по моей нижней, слегка припухшей от поцелуя губе.

— Тогда до завтра, Айри. Напишу тебе днем.

Он отпустил мою талию, но упрямо дождался, пока я дойду до входной двери подъезда, открою её и окажусь в безопасности внутри. И только когда я уже поднималась на свой этаж, эхо донесло с улицы характерный, глухой звук уезжающей машины.

Домой я пришла, когда в квартире уже никого не было. Парни и Мия благополучно испарились, оставив после себя блаженную тишину. На моем лице блуждала дурацкая, абсолютно счастливая улыбка. К моему огромному удивлению, в гостиной и на кухне царил идеальный порядок — банда действительно послушалась меня. Более того, когда я зашла в свою спальню, то обнаружила, что все те горы шмоток, которые я в панике разбросала перед зеркалом, были аккуратно сложены и убраны в шкаф, а мое трикотажное платье ровно расправлено на стуле. Мия определенно была святой подругой.

Я тяжело, с тихим, изнеможенным вздохом рухнула прямо на диван, бережно прижимая к себе роскошный букет цветов и глубоко вдыхая его сладкий аромат. Я улыбалась как круглая дура, глядя в потолок полутемной комнаты и всё еще чувствуя на своих губах мягкий, будоражащий вкус поцелуя Чейза.

Этот день не смог испортить никто. У меня было идеальное свидание, завтра меня ждало еще одно, а на моем журнальном столике стояли потрясающие цветы. Жизнь казалась невероятно прекрасной штукой, и я засыпала с твердым ощущением, что наконец-то двигаюсь в правильном направлении. В ту самую зону, где нет места сомнениям.

Глава 7

Моё утро не задалось с самого начала. Бездушный будильник на телефоне почему-то решил не звенеть, и я с треском проспала первую пару.

Выудил меня из глубокого, сладкого сна нежный утренний свет, а истошный крик Мии и оглушительный грохот из прихожей. Я подорвалась на кровати, дико озираясь по сторонам, и обнаружила, что прямо у меня на ногах уже вовсю прыгает Брукс, а в дверном проеме спальни, лениво прислонившись плечом к косяку, стоит Торнтон.

Они припёрлись ко мне спозаранку под надуманным предлогом того, что забыли свои лекции. Как их конспекты оказались одновременно в моей закрытой квартире — я понятия не имела. Но если насчет Рейна я ещё могла догадаться (этот придурок вечно бросает у меня свои тетради, шмотки и сумки, когда уходит на очередное свидание, чтобы лишний раз не попадаться на глаза своему строгому отцу), то вот Мие просто до безумия не терпелось узнать пикантные подробности вчерашнего вечера.

— Ты проспала! — прокричала Мия, безжалостно тормоша меня за плечи. — Вставай, соня! Нас Харрис живьем закопает!

— Боже мой, Брукс, полегче... Как ты вообще вошла в запертый дом? — простонала я, утыкаясь лицом в подушку.

Вместо подруги ответил Рейнер. Он молча, лениво поднял руку и покрутил на указательном пальце связку запасных ключей от моей квартиры. Тех самых, которые я сама лично дала ему на всякий случай пару месяцев назад. В конце концов, Торнтон регулярно, без лишних слов подкидывал мне деньги на оплату этой чертовой коробки, так что я вполне могла считать, что снимаю квартиру наполовину с лучшим другом. С очень богатым лучшим другом, если говорить точнее.

Меня всегда искренне удивляло, почему парень с его безлимитным отцовским кошельком предпочитает проводить столько времени здесь, на окраине кампуса, среди пошарпанных домов и полутемных улочек не самого престижного района Оквуда.

— Слушай, Миллер, может, ты уже переедешь и снимешь нормальную квартиру поближе к экономическому корпусу? — проворчал Рейнер, лениво пряча ключи в глубокий карман своих спортивных брюк. — Тащиться в эту глушь каждый раз после тренировок — одна сплошная геморрой.

— Я тебя вообще-то и не просила сюда тащиться, Торнтон, — буркнула я, с трудом принимая сидячее положение и кутаясь в одеяло. — И тебя, между прочим, тоже, — я выразительно посмотрела на зазорное лицо Мии.

— Ой, перестань, — хихикнула подруга, чувствительно хлопнув меня по руке. Её глаза загорелись опасным, за забор заглядывающим любопытством. — Ну как? Выкладывай! Чем вы занимались в темноте? У вас уже всё было? Ну, секс? И как он вообще в этом плане? Стоит ли его куртка регбиста таких свеч?

— Боже мой, меня сейчас снова стошнит, — страдальчески простонал Рейнер, демонстративно закатывая глаза и отворачиваясь к окну. Его широкие плечи напряглись.

Я лишь брезгливо скривилась, глядя на его недовольную, уязвленную мину:

— Знаешь что, Торнтон? Если бы меня тошнило от каждой девчонки, с которой гуляешь ты, я бы уже заблевала эту квартиру до самого верха, включая потолок. Сколько ты их сменил за эту неделю? Десять? Или уже сбился со счета?

— Семь, — совершенно серьезно, ровным голосом и без капли стыда отозвался он, поворачивая ко мне лицо.

— Класс! Ты их ещё и считаешь! У тебя там что, журнал специальный с графами, куда ты записываешь их по порядку и выставляешь оценки за поведение?

Рейнер промолчал, лишь упрямо, до скрежета сжал челюсти, но мне и не нужен был его ответ.

— Дурак. Терпеть тебя не могу, — прошептала я, наконец сползая с кровати. — Ну почему в нашей компании один парень попался настолько дефектный? За какие такие грехи вселенной?

— Не переживай, Лив, он у нас в команде держится только ради красивого интерьера, честное слово, — со смешком отозвалась Мия. Она с разбегу плюхнулась прямо в уличной одежде на мою кровать, нагло закидывая ноги на подушку.

Я лишь устало покачала головой и, подхватив полотенце, направилась в ванную, чтобы попытаться смыть под струями горячей воды этот утренний хаос.

Мы ехали в колледж на огромном внедорожнике Торнтон. Сегодня я демонстративно проигнорировала переднее пассажирское сиденье, которое обычно занимала, и забралась назад. Мне нужно было кровь из носу переписать лекцию по экономике, которую я так удачно проспала, иначе профессор Харрис сожрёт меня заживо на следующем же семинаре.

Огромное человеческое спасибо стоило сказать Итану: этот придурок, вопреки всем законам природы, сегодня дошёл до аудитории вовремя и законспектировал всё до единого слова. Теперь я сидела на заднем сиденье, обложившись тетрадями, и лихорадочно переносила текст с фотографий, которые он скинул мне в мессенджер.

— Боже мой! — внезапно охнула я, едва не выронив капиллярную ручку.

Экран моего телефона замигал как безумный от целой цепочки входящих уведомлений. Заявки в друзья. Причём абсолютно во всех существующих соцсетях сразу. Чейз Девенпорт решил устроить на меня самую настоящую, полномасштабную цифровую атаку.

Мия, сидевшая на переднем сиденье, среагировала со скоростью профессионального военного перехватчика. Она с грацией дикой кошки перемахнула через спинку сиденья, едва не раздавив мою сумку, и бесцеремонно выхватила мобильник прямо у меня из-под носа.

— Ого-о-о... — протянула Брукс, вовсю листая его открытый профиль. — Нет, Лив, ну он реально красавчик. Ты только посмотри на эти рельефные фотки с предсезонных сборов! Какая фигура!

Через зеркало заднего вида я заметила, как Рейнер тоже косится на светящийся экран. Стоило ему разглядеть лицо кудрявого нападающего регбийной лиги, как он тут же недовольно, безглаголиво скривился.

— Ничего особенного, — буркнул Торнтон, крепче, до побеления костяшек сжимая кожаный руль. — Обычный богатенький придурок, который ловит хайп на смазливой роже и ямочках. На поле он сломается при первом же хорошем ударе.

Я со смешком посмотрела на его суровое отражение в зеркале, и наши глаза на секунду встретились.

— Сказал мне главный богатенький придурок нашего кампуса, — безжалостно съязвила я.

— Я не такой, честное слово, — Рейн внезапно мягко, обезоруживающе улыбнулся через зеркало, и в его глазах промелькнули забавные, теплые искорки.

— Конечно, верю, Рейн, — я со смехом хлопнула его по плечу через промежуток между креслами, потянулась вперед и решительно забрала свой телефон из цепких пальцев Мии. — Кстати, мы сегодня снова идём гулять. На самом деле он оказался очень нормальным. Весёлый, интересный... И, представляешь, так же, как и ты, просто до безумия болеет хоккеем, хоть и играет в регби.

Рейнер на секунду замолчал, а его ленивая ухмылка как-то неестественно, криво застыла на губах. Он резко перестроился в левый ряд, обгоняя плетущийся автобус, и глухо, с непонятным, давящим раздражением произнес:

— Ну и зачем тогда нужно было так всё усложнять, Миллер? Если тебе так сильно нравятся богатые хоккеисты и спортсмены, могла бы просто встречаться со мной. Зачем искать замену?

В салоне на мгновение повисла удушающая, звенящая тишина. Я аж дышать перестала от такой внезапной, эгоистичной логики, чувствуя, как лицо стремительно заливают краской. А затем шумно, обиженно буркнула:

— Ой, заткнись, Торнтон! Слишком много чести!

Мия рядом громко прыснула и буквально покатилась со смеху, держась за живот:

— О боже, Рейн, если бы она встречалась с тобой, это была бы катастрофа вселенского масштаба! Вы бы поубивали друг друга на первой же неделе!

Он зло бросил на подругу быстрый взгляд, но мы всё равно дружно рассмеялись, разряжая обстановку.

— Это точно, — поддакнула я, убирая телефон в карман юбки. — Я бы в твоём огромном списке оказалась где-нибудь в самом хвосте, затерявшись посреди остальных твоих длинноногих моделей, и покорно ждала бы своей очереди на свидание раз в полгода.

— Ради тебя я бы выделил индивидуальный, чистый лист в самом начале, Зефирка, — лениво протянул он, снова улыбаясь этой своей дурацкой, самоуверенной улыбкой. Его голос прозвучал низко, бархатно, заставив внутри всё сладко сжаться.

Я лишь выразительно закатила глаза к кожаному потолку машины:

— Знаешь что? Я лучше выпью стакан горячего молока, чем соглашусь на это сомнительное предложение.

И Рейнер мгновенно замолчал. Его улыбку как ветром сдуло, а челюсть напряглась. Он прекрасно знал, что я органически не перевариваю этот напиток. Меня от одного только запаха пенки и теплого молока тошнило в самом прямом, физическом смысле слова с раннего детства, и это была наша общая школьная шутка.

До самого корпуса университета мы доехали в полной, тяжелой тишине. Торнтон больше не шутил, угрюмо глядя на дорогу и крутя руль с такой бешеной силой, будто пытался его сломать прямо на ходу. А я вернулась к конспекту Итана.

Оставшиеся пары пронеслись перед глазами как один сплошной, смазанный туман. Профессора монотонно бубнили у доски, выводили графики, но моё внимание было приковано к экрану мобильного под партой. Чейз всерьёз решил устроить мне сегодня настоящий текстовый спам. Уведомления от него прилетали каждые десять минут, заставляя меня глупо улыбаться.

«Привет, Айри! Как дела на этих унылых лекциях?» — высветилось на экране.

«Всё хорошо, переписываю макроэкономику у Итана. А ты как?» — быстро набрала я, прячась за широкой спиной Картера.

«Думаю, я окончательно сойду с ума, если наш куратор ещё хотя бы раз скажет слово "безопасность" в контексте хэллоуинского бала. Он читает нам лекцию о том, почему на вечеринку нельзя приносить бутафорские топоры и мечи. Скука смертная, спасай меня».

Я тихо рассмеялась прямо в ладонь, а Мия, сидевшая рядом, тут же заговорщически толкнула меня локтем в бок, пытаясь рассмотреть текст на экране.

На этой паре мы наконец-то сидели всей нашей дружной компанией. Мы традиционно заняли самую высокую точку амфитеатра аудитории — самый дальний ряд, откуда открывался идеальный обзор на весь кабинет. С другой стороны от меня сидел Итан. Он, в своей привычной манере развалившись на стуле, тоже всюду пялился в свой телефон, краем глаза нагло отслеживая мою переписку.

— М-да, Миллер, этот парень явно вообще не умеет нормально общаться с девушками, — авторитетно заявил Итан, знающе поджав губы. — Мог бы просто пожелать тебе доброго

утра и прислать какой-нибудь милый мем, а не жаловаться с самого порога на то, как ему, бедняжке, плохо на лекции по безопасности. Размазня.

— Ой, Итан, помолчал бы лучше, — Мия легла грудью на деревянную парту, перегибаясь через меня. — Сам-то ты хоть раз что-нибудь дельное или романтическое написал своей ненаглядной Роуз Пэрри? А? Спортсмен хренов.

Итан мгновенно сдулся и смешно поджал губы, утыкаясь носом в свою девственно пустую тетрадь.

— Писал... — буркнул он обиженно, ковыряя ручкой стол. — Она просто не отвечает. Уже три дня. Наверное, занята на кортах.

— Ну тогда сходи к Рейну на индивидуальный секретный семинар по теме *«Как правильно кадрить девчонок кампуса»*, — со смешком отозвался Нейтан, который сидел с другого бока от Мии, нежно перебирая пальцами её волосы. — Наш Торнтон в этом деле явный сертифицированный спец. Диплом может защищать без подготовки.

Рейнер, сидевший с самого края — по правую руку от Итана, — даже не оторвал взгляда от своего телефона, в котором лениво листал какую-то спортивную хоккейную сводку. Он выглядел отстраненным.

— Нет у меня такого семинара, Коул, — глухо и абсолютно безучастно бросил он, даже не улыбнувшись нашей обычной шутке. — В моей программе есть только один краткий курс: *«Как в полной темноте быстро снять с неё кружевное белье»*.

В аудитории над нашей партой повисла секундная, удушающая тишина. Мия прыснула, прикрыв рот ладонью, а я почувствовала, как у меня от его пошлой, наглой шутки к щекам прилил мощный заряд тока.

— Боже мой! — я в сердцах с грохотом захлопнула тетрадь по экономике и зло уставилась на парней. — Может, вы трое вообще отсыдете от нас на другой ряд? С вами просто невозможно находиться в одном помещении! Извращенцы!

Парни лишь заговорщически, довольно переглянулись, и даже на угрюмом лице Рейнера наконец-то промелькнула мимолетная, сытая ухмылка хищника. Он лениво убрал телефон в карман худи и уставился на доску, делая вид, что он здесь самый прилежный и внимательный студент.

Глава 8

Мы выходили из душной аудитории под раскатистый голос преподавателя, который пытался перекричать шум собирающихся студентов:

— И не забывайте, скоро Хэллоуин! Готовьте костюмы! И Торнтон, — профессор Харрис грозно наставил палец на нашего защитника, — вы больше не будете приглашены на бал, если снова додумаетесь подлить в общий пунш крепкий алкоголь! Студенческий совет до сих пор отмывает репутацию!

— Это был не я, профессор, у вас нет доказательств, — лениво отозвался Рейнер через плечо, даже не замедляя своего размашистого шага.

Итан рядом со мной тут же дико заржал на весь коридор, потому что в тот год организатором этой грандиозной диверсии был именно он.

— Согласитесь, это было чертовски круто! — проговорил Картер, собственнически и тяжело закинув свою руку мне на плечи, пока мы шли по заполненному коридору корпуса.

— Это точно, — согласились все мы, дружно посмеиваясь. Правда, та история закончилась легендарно. — Жаль только, что тихоня-ботаник Уэнсди перенесла то празднество так сурово, что наутро очнулась в одной постели с Картером-младшим из параллельного курса. Бедная девочка до сих пор заикается при виде хоккеистов.

Мы снова громко рассмеялись на весь этаж, привлекая внимание, вспоминая шокированное лицо бедной отличницы.

Но наш веселый гул оборвался в ту же секунду, когда на крутом повороте у лестницы нам навстречу из коридора вышел Чейз. Вся наша банда тут же замерла как по звуку сирены. Он выглядел потрясюще: на нем были удобные спортивные штаны и легкая куртка с эмблемой регби, а на плече висела огромная, массивная сумка со снаряжением. От него веяло той самой уверенностью, которая вчера пленила меня в парке.

— Привет всем, — Чейз открыто, тепло улыбнулся ребятам, удерживая взгляд на мне.

Парни сдержанно, едва заметно кивнули в ответ — у хоккеистов сейчас как раз должна была начаться предсезонная раскатка, и все мыслями уже были на льду. Атмосфера мгновенно сгустилась. Итан тут же поспешно убрал руку с моего плеча и заложил ладони в карманы, переводя настороженный взгляд с Чейза на Рейнера, который внезапно стал мрачнее самой глубокой грозовой тучи.

— Вы идите в раздевалки, я вас догоню, — быстро проговорила я друзьям, останавливаясь у кирпичной стены.

Мия хитро, понимающе подмигнула мне, утягивая за собой Нейтана, а Рейнер... Рейнер прошел мимо Чейза так близко, что они едва не столкнулись широкими плечами. Торнтон даже не повернул головы, устремив ледяной, уничтожающий взгляд строго вперед.

Я осталась стоять с Чейзом в стороне от основного, шумного потока студентов.

— Ну как? Как прошла твоя лекция о безопасности на Хэллоуине? — с мягкой улыбкой спросила я, заглядывая в его теплые глаза.

Чейз тихо и очень нежно рассмеялся, перекидывая ремень тяжелой сумки поудобнее:

— О, это было суровое, изматывающее испытание для моей неокрепшей психики, Айри. Куратор сорок минут с серьезным лицом объяснял, что если кто-то придет в костюме зомби или вампира, то бутафорская кровь не должна пачкать дорогую обшивку диванов в главном холле. Я сидел на первом ряду и думал только о том, как хочу поскорее сбежать оттуда. К тебе.

Мои щеки мгновенно обдало приятным, сладким жаром от его неприкрытого, смелого флирта. На губах фантомно отозвался вкус вчерашнего поцелуя.

— Всё в силе на сегодняшний вечер? — тихо спросил он, делая уверенный шаг ближе и внимательно всматриваясь в мое лицо.

— Да, конечно, — я кивнула, чувствуя, как внутри снова начинают порхать те самые глупые, сумасшедшие бабочки.

— Ты придешь сейчас на нашу тренировку на поле? — Чейз с надеждой приподнял бровь. — Мне бы очень помогла твоя поддержка на трибунах, Айри.

— Оу... прости, сегодня точно не получится, — я виновато поджала губы, искренне сожалея. — Мне кровь из носу нужно подготовиться к завтрашней сложной практике по макроэкономике, иначе Харрис меня просто отчислит. Я проспала лекцию.

— Эй, всё в порядке, учеба всегда на первом месте, я всё понимаю, — абсолютно искренне и нежно проговорил он, ни капли не обидевшись. Он протянул руку и слегка, мимолетно коснулся моих пальцев, пуская по коже разряд тока. — Тогда я напишу тебе сразу, как закончу возиться с мячом. Получится где-то в районе шести вечера. Заеду за тобой.

— Отлично, буду ждать, — кивнула я.

Чейз мягко улыбнулся, наклонился и быстро, но так трепетно, собственнически чмокнул меня в губы прямо посреди людного перехода. Краткий, но безумно сладкий контакт заставил мои колени на секунду задрожать.

— До вечера, Айри, — проговорил он и направился дальше по коридору, к выходу на стадион.

Кажется, в этот момент весь коридор просто замер и таращился на меня. Студенты обобщивались, девчонки с параллельного курса завистливо шушукались, глядя на то, как главный новичок сезона открыто проявляет ко мне интерес. Я смущенно заправила выбившиеся светлые волосы за ухо, поправила лямку рюкзака и на полной скорости побежала догонять своих ребят, которые ушли вперед.

Мы всей толпой дошли до массивных двойных дверей, ведущих к ледовой арене. Из-за них уже отчетливо тянуло приятным холодом и запахом свежего льда. Парни начали на ходу перестраиваться в суровый спортивный режим, но перед самым входом в раздевалку Рейнер резко затормозил.

Он без лишних слов стянул с плеча рюкзак с тетрадками и бесцеремонно протянул его мне.

— Зефирка, поддержи у себя до вечера, ладно? — лениво попросил он, упрямо глядя на меня сверху вниз своим тяжелым взглядом. — Заеду потом и заберу. Чтобы мне с ним в корпусе не таскаться.

Я выразительно закатила глаза к самому потолку, но баул всё же послушно перехватила.

— Торнтон, у меня от твоих вещей дома скоро целая гора образуется! Склад устроил! — в сердцах заворчала я, с трудом поправляя лямку его баула. — Из-за тебя ко мне ни один нормальный парень домой не придет, потому что ты везде оставил свой след! У меня вся квартира уже пропахла твоим можжевельником и хоккеем!

Рейнер на это эмоциональное заявление лишь хмыкнул, а в его взгляде промелькнула странная, довольная искорка. Он словно именно этого и добивался — заявить свои права на моё пространство. Он медленно развернулся и вместе с Нейтаном и Итаном зашагал вглубь прохладного коридора раздевалок.

— Ладно, ребят, до завтра! — крикнула я им вдогонку, собираясь наконец развернуться в сторону выхода.

И в этот самый момент Мия, стоявшая в дали, сложила ладони рупором и во всё горло, оглушительно заорала на весь эхо-коридор вслед парням:

— Лив, просто подари ему свои трусики на память! Чего мелочиться-то с рюкзаками?!

Я замерла на месте, готовая провалиться сквозь землю прямо здесь и сейчас. Студенты вокруг удивленно обернулись, а из глубины коридора донесся громогласный, дикий и победный ржач Итана и Нейтана. Рейнер, судя по всему, тоже знатно оценил шутку, потому что даже со спины было видно, как весело и широко дрогнули его плечи. Я лишь обреченно пока-

чала головой, крепче вцепившись в его рюкзак, который пах льдом и можжевельником. С этой безумной бандой моя репутация приличной девочки была обречена на полный провал.

Дома я была уже к пяти вечера. Оставив рюкзак Рейнера в гостиной прямо по центру дивана, я первым делом сбросила кеды и побежала в душ, чтобы смыть с себя липкую усталость этого сумбурного университетского дня. После этого я быстро перекусила, но, замешкавшись на крошечной кухне, по привычке приготовила небольшой полноценный ужин.

Я прекрасно знала этого прожорливого, вечно голодного хоккеиста: если Рейн зайдет за вещами по своему запасному ключу, пока меня нет дома, он гарантированно подчистит в моем холодильнике абсолютно всё, что попадется ему под руку, включая остатки вчерашнего йогурта. Так что пусть лучше ест то, что я сознательно оставляю для него на плите. Я сделала легкий витаминный салат и приготовила запеченную куриную грудку с овощами — идеальный вариант, сытный и совсем не вредный для спортсмена, строго следящего за режимом перед субботним матчем. Сама не понимая зачем, я накрыла сковороду фольгой, чтобы еда дольше оставалась теплой.

Как раз около шести вечера на дисплее телефона загорелось новое сообщение от Чейза. Он написал, что освободился после тяжелой тренировки, и пообещал заехать за мной ровно в семь, как только успеет заскочить к себе в дом братства, принять душ и скинуть спортивные вещи. Куда именно мы поедем в этот туманный вечер, он мне так и не сказал, намеренно сохранив интригу.

Да это было, впрочем, и не важно. Рядом с Чейзом я чувствовала себя как-то по-особенному: защищенной, хрупкой и по-настоящему нужной. Я даже сама толком не могла понять почему, ведь мы были знакомы всего ничего, и это была наша вторая полноценная прогулка. Внутри шевелилось легкое, пугающее опасение: мне казалось, что всё между нами начинается уж больно как-то быстро, стремительно, словно лавина. Словно я нарушаю свои собственные правила недотроги.

И именно в этот момент моих тревожных размышлений на экран прилетело новое смс, но уже от Рейнера:

«Заеду в 9», — лаконично, почти приказом отозвался он.

«Ладно, без проблем, но меня не будет дома», — быстро отстучала я в ответ, кусая губы.

На это сообщение он ничего не ответил. Статус остался «прочитано». Я раздраженно отбросила телефон на кровать и принялась наконец одеваться. Погода на улице сегодня была на удивление теплой для поздней осени, поэтому я решила оставить привычные джинсы в шкафу. Вместо них я надела свое любимое легкое платье чуть выше колена, мягко подчеркивающее талию, а сверху накинула джинсовую куртку. Тонкое кружевное белье под нарядом приятно ласкало кожу, добавляя уверенности.

Оставалось совсем немного времени до семи. Сердце снова взволнованно, оглушительно застучало в груди, когда внизу, прямо под моими окнами, послышался знакомый, короткий автомобильный гудок. Чейз приехал.

Я выбежала из подъезда, поправляя подол платья, и тут же замерла на крыльце. Около обочины стояла совершенно другая машина — на этот раз это был новенький, глянцевый красный внедорожник, который буквально приковывал к себе взгляды редких прохожих. Сам Чейз стоял рядом, небрежно скрестив руки на груди. Он был одет максимально просто: классические темные джинсы и белоснежная футболка, которая выгодно подчеркивала его крепкие плечи. Глядя на него, я невольно прикусила губу. Я бы не сказала, что прямо нарядилась, но в

этот момент мне остро показалось, что, наверное, тоже стоило остаться в привычных джинсах. Слишком уж я выбивалась из его простого, домашнего стиля.

Но стоило Чейзу повернуться ко мне, как все мои сомнения улетучились. Его глаза загорелись таким искренним восторгом, что бабочки в моем животе устроили очередную революцию.

— Привет, Айри, — он сделал шаг навстречу и снова нежно поцеловал меня в щеку. Его губы были теплыми, а пальцы, как и в прошлый раз, аккуратно заправили выбившуюся светлую прядь мне за ухо. — Как дела? Успела отдохнуть?

— Привет, — я кивнула, чувствуя, как глупо улыбаюсь. — Всё отлично, практику переписала.

Чейз понимающе улыбнулся, обнажая свои фирменные ямочки, обошел внедорожник и открыл передо мной пассажирскую дверь.

Это свидание получилось совершенно непохожим на наше первое напыщенное кино. Чейз отвез меня за город, к огромному пустынному пляжу. Солнце уже медленно клонилось к горизонту, окрашивая воду в нежно-розовые и золотистые тона. Мы разулись, взяли кеды в руки и долго шли вдоль кромки воды, слушая тихий шум прибоя. Прохладный песок приятно щекотал ступни, а теплый ветер развеивал подол моего платья. Мы снова много болтали о жизни, делились историями из детства, вспоминали школьные неловкие моменты и обсуждали наши интересы. С Чейзом было удивительно легко — он не пытался казаться кем-то другим, он просто был собой.

Когда мы изрядно проголодались, он не повез меня в дорогой элитный ресторан, как сделал бы любой другой мажор кампуса. Вместо этого мы припарковались у небольшого, ярко освещенного фургончика с уличной кухней на набережной. Чейз сам сбегал к окошку и вернулся с двумя огромными, сочными хот-догами и холодным лимонадом. В этот момент, когда он весело рассказывал какую-то байку из раздевалки, параллельно пытаясь аккуратно откусить огромный кусок и не капнуть соусом на свою белую футболку, он окончательно покорила меня. В нем не было ни капли заносчивости или высокомерия, которые так часто приписывают главным звездам университета.

Чуть позже мы перебрались на пустую парковку у обрыва, откуда открывался потрясающий вид на догорающий закат. Чейз запрыгнул на капот своего красного внедорожника и протянул мне руку, помогая забраться повыше и сесть рядом. Небо полыхало багровыми красками. В моих руках был зажат сладкий петушок на палочке — Чейз купил его мне в том же фургончике ради шутки.

Некоторое время мы сидели в уютной тишине, наслаждаясь моментом. Внезапно Чейз повернулся ко мне, и его лицо стало непривычно серьезным.

— Слушай, Айри... — тихо начал он, внимательно вглядываясь в мои глаза. — Я знаю, что, может, всё это и слишком быстро происходит между нами. Я и сам, честно говоря, удивлен. Обычно я долго присматриваюсь к людям. Но... ты мне реально очень нравишься. С самой первой секунды, когда я увидел тебя за стойкой кофейни.

Мое сердце глухо ухнуло и, кажется, вообще перестало биться. Я так и замерла на месте с этим дурацким леденцом на палочке в руке, не шевелясь.

— Может, это любовь с первого взгляда? — Чейз мягко улыбнулся, но в его теплых глазах читалось волнение. Он не врал. Я видела в нем абсолютную, пугающую серьезность.

Прежде чем я успела хоть что-то ответить, он плавно протянул руку, аккуратно взял меня за подбородок и большим пальцем нежно провел по уголку моих губ. Видимо, я умудрилась испачкаться соусом от хот-дога, пока засматривалась на закат. От этого интимного, заботливого жеста я окончательно смутилась, чувствуя, как щеки вспыхивают пунцовым цветом.

Чейз не убирал руки. Его пальцы мягко оглаживали мою скулу. Он ждал ответа.

— Ты... станешь моей девушкой, Айри?

В моей голове пронеслось сумасшедшее: *«Да, конечно, я согласна!»* Господи, сам Чейз Девенпорт, лучший нападающий лиги и мечта всего кампуса, сидит на капоте машины и предлагает мне встречаться. В это верилось с огромным трудом. И плевать, что всё развивалось так стремительно. Я смотрела на его открытое, честное лицо и понимала, что хочу довериться этому чувству.

Я завороченно посмотрела в его глаза и... просто согласно кивнула, соглашаясь на эту безумную, красивую неизвестность.

Чейз подался вперед, сокращая последние дюймы между нами. Он на мгновение замер на опасном расстоянии, едва касаясь моих ресниц своим дыханием, словно бережно проверял — оттолкну я его или нет. Мое сердце зашло в бешеном ритме, и я осталась неподвижной, не в силах пошевелиться.

А затем он всё же аккуратно прикоснулся к моим губам.

Этот нежный, едва ощутимый поцелуй заставил меня затаить дыхание. Я была совершенно не опытна в подобных откровениях — за всю мою жизнь нормальных, взрослых отношений у меня толком и не было. Чейз, видимо, сразу понял это по моей скованности. Он отстранился на долю секунды, слегка улыбнулся своими мягкими губами и еще ближе притянул меня к своему теплему телу.

— Просто расслабься, Айри, — бархатно проговорил он мне прямо в губы.

И я беспрекословно подчинилась. В тот миг я была готова подчиниться ему во всём, лишь бы он не переставал обнимать меня и дарить это невероятное, кружащее голову тепло.

В темноте перед глазами внезапно вспыхнуло глупое, старое воспоминание из прошлого. Нам тогда было по пятнадцать лет. Мы собрались большой компанией у кого-то дома на каникулах и играли в бутылочку, как делают абсолютно все обычные подростки. Горлышко указало на нас, и по правилам игры нас закрыли в тесном, темном шкафу для одежды, где мы должны были просидеть несколько минут и поцеловаться.

Мой самый первый в жизни поцелуй забрал Рейнер. Он уже тогда был опытным, не по годам развитым парнем — красивым, завидным школьным мальчиком, который вовсю крутил романы и вовсю гулял с девчонками из старших классов. Оказавшись в темноте шкафа среди чужих курток, Рейн сначала просто предложил мне сжалиться над моей паникой: *«Миллер, расслабься. Давай просто постоим здесь положенное время, и никто ничего не узнает»*. Я, конечно, с облегчением согласилась.

Мы смотрели друг на друга в полумраке, он что-то тихо шептал, пытаясь глупо шутить и разбавить мое дикое смущение. А потом... потом он всё же не выдержал, наклонился и поцеловал меня. Это был обычный, легкий поцелуй, совсем не по-взрослому, просто прикосновение губ к губам. Но я тогда так жутко смутилась, что замерла на месте как деревянная шпала, не зная, куда деть руки. Рейнер лишь тихо хмыкнул и перед тем, как толкнуть дверь и выйти к ребятам, бросил через плечо: *«По твоему лицу будет слишком видно, что мы не целовались, Зефирка. А нам нужно сделать вид, что было»*. И с тех самых пор я его больше никогда не подпускала к себе близко, а он в отместку вечно надо мной прикалывался.

Но сейчас, на капоте красного внедорожника, всё было совершенно иначе.

Я отбросила старые мысли и попыталась уловить каждое мимолетное движение Чейза, подстраиваясь под его ритм. Его поцелуй был глубоким, детальным и настолько чувственным, что его не с чем было сравнить — казалось, я просто парю где-то высоко в облаках или пью ледяной, покалывающий язык лимонад в невыносимую жару. Я была уверена, что у него во рту остался сладкий привкус моего медового петушка на палочке, но Чейз даже не обращал на это внимания. Его язык уверенно, но безумно бережно проник в мой рот, исследуя и подчиняя себе.

Я полностью отдалась этому моменту, теряя связь с землей. В какой-то момент я обнаружила, что уже сижу прямо у него на коленях, обвивая его талию ногами и робко зарыва-

ясь пальцами в его прохладные, мягкие темные кудри. Мои щеки, уверена, покраснелись до невозможного пунцового цвета, и оставалось только радоваться, что на улице уже окончательно стемнело и Чейз не видел моего смущения.

Когда воздух в легких окончательно закончился, он плавно оторвался от моих губ первым. На его лице играла теплая, торжествующая и очень нежная улыбка.

— Не будем торопиться, — тихо проговорил он, тяжело дыша и бережно поглаживая меня по спине через джинсовую куртку. — Я не хочу смущать тебя ещё больше, Айри.

— Да, ладно... — прошептала я, улыбаясь в ответ и пытаясь аккуратно слезть с его колен, чтобы унять дрожь в теле.

Но Чейз не позволил мне уйти. Он удержал меня за талию, просто сильнее прижимая к своей груди в крепких, надежных объятиях, и еще раз коротко, собственнически поцеловал меня в самый уголок губ. Мы сидели под ночным небом, и я чувствовала себя самой счастливой девчонкой во всем этом чертовом кампусе.

Когда красный внедорожник наконец затормозил у моего дома, ночь уже окончательно вступила в свои права. Наш двор был пуст, и лишь тусклый желтый свет одинокого уличного фонаря пробивался сквозь кроны деревьев.

Чейз заглушил мотор, проводил меня до крыльца, и там, стоя у самого подъезда в густой тени навеса, мы просто не могли отлипнуть друг от друга. Время словно остановилось. Все мои страхи о том, что всё развивается слишком быстро, окончательно растаяли под его теплыми ладонями, которые уверенно покоились на моей талии.

Мы снова и снова целовали друг друга. На этот раз у меня уже получалось гораздо лучше: я больше не замирала деревянной шпалой, а смело отвечала на его движения, полностью растворяясь в моменте. Этот поцелуй был тягучим, глубоким и безумно пьянящим. Весь мир вокруг перестал существовать, сузившись до стука наших сердец и тяжелого, прерывистого дыхания на двоих.

— Добрых снов, солнышко, — тихо проговорил Чейз, когда мы наконец неохотно отстранились друг от друга. Его голос откровенно хрипел, а в потемневших глазах плясали опасные искорки.

— Добрых, — едва слышно отозвалась я.

Дыхание полностью закончилось, а мои губы горели и заметно опухли от долгих, накаленных поцелуев. Чейз еще раз мягко коснулся ладонью моей щеки, нежно провел большим пальцем по нижней губе и, дождавшись, пока я скроюсь за тяжелой дверью подъезда, не спеша пошел обратно к своей машине.

Я поднималась по ступенькам на свой этаж, чувствуя себя так, словно парю в невесомости. В голове до сих пор стоял туман, а во рту отчетливо оставался сладкий привкус того самого медового леденца. На моем лице блуждала глупая, мечтательная улыбка. Я была абсолютно, безоговорочно счастлива.

Глава 9

Я выбежала из дверей подъезда, на ходу нетерпеливо поправляя подол своего легкого платья, и тут же замерла на каменном крыльце. Около обочины стояла совершенно другая машина — на этот раз это был новенький, глянцевый красный внедорожник, который своим хищным силуэтом буквально приковывал к себе удивленные взгляды редких прохожих. Сам Чейз стоял рядом, небрежно скрестив руки на груди и подпирая плечом массивный капот. Он был одет максимально просто: классические темные джинсы и белоснежная облегающая футболка, которая выгодно, рельефно подчеркивала его крепкие, широкие плечи спортсмена.

Глядя на него, я невольно, судорожно прикусила нижнюю губу. Я бы не сказала, что прямо наряжалась, но в этот момент мне остро, до паники показалось, что, наверное, тоже стоило остаться в привычных, потертых джинсах. Слишком уж я выбивалась своим летящим подолом из его простого, по-домашнему уютного стиля.

Но стоило Чейзу повернуться на звук моих шагов, как все мои глупые девичьи сомнения мгновенно улетучились. Его глаза загорелись таким искренним, неприкрытым восторгом, что несчастные бабочки в моем животе устроили очередную масштабную революцию.

— Привет, Айри, — он сделал широкий шаг навстречу и снова мягко, нежно поцеловал меня в щеку. Его губы были обжигающе теплыми, а пальцы, как и во время нашей первой встречи у кассы, аккуратно, бережным движением заправили выбившуюся светлую прядь мне за ухо. — Как твои дела? Успела отдохнуть после утренней суматохи?

— Привет, — я кивнула, чувствуя, как лицо расплывается в глупой, счастливой улыбке. — Всё отлично, сложную практику по экономике переписала. Конспект Итана меня спас.

Чейз понимающе улыбнулся, обнажая свои фирменные, обезоруживающие ямочки на щеках, плавно обошел внедорожник и по-джентльменски открыл передо мной пассажирскую дверь. В салоне пахло дорогим парфюмом и свежестью.

Это свидание получилось совершенно непохожим на наше первое, слегка скованное кино. Чейз увёз меня далеко за город, к огромному, пустынному в этот будний вечер песчаному пляжу. Солнце уже медленно, лениво клонилось к горизонту, окрашивая бескрайнюю гладь воды в нежно-розовые, перламутровые и золотистые тона. Мы разулись прямо у кромки асфальта, взяли свои кеды в руки и долго, не торопясь шли вдоль набегающих волн, слушая тихий, успокаивающий шум прибоя. Прохладный влажный песок приятно щекотал ступни, а теплый загородный ветер то и дело поднимал и развеивал подол моего тонкого платья.

Мы снова без умолку много болтали о жизни, делились сокровенными историями из детства, со смехом вспоминали школьные неловкие моменты и бурно обсуждали наши вкусы в музыке. С Чейзом было удивительно, непривычно легко — он не пытался казаться кем-то другим, не врубал режим пафосной знаменитости, он просто был собой.

Когда мы изрядно проголодались, он не повез меня в дорогой элитный ресторан, как сделал бы любой другой избалованный мажор нашего кампуса, привыкший сорить родительскими деньгами. Вместо этого мы припарковались у небольшого, ярко освещенного фургона-чика с уличной кухней на набережной. Чейз сам весело сбегал к окошку и вернулся к машине с двумя огромными, сочными хот-догами и бутылками холодного лимонада. В этот самый момент, когда он увлеченно рассказывал какую-то нелепую байку из регбийной раздевалки, параллельно пытаясь аккуратно откусить огромный кусок и отчаянно стремясь не капнуть соусом на свою идеальную белую футболку, он окончательно покорило мое сердце. В нем не было ни грамма заносчивости, гордости или высокомерия, которые так часто приписывают главным звездам университета.

Чуть позже, когда сумерки начали сгущаться, мы перебрались на пустую парковку у самого обрыва, откуда открывался просто потрясающий, кинематографичный вид на догора-

ющий закат. Чейз первым ловко запрыгнул на высокий капот своего внедорожника и протянул мне свою большую, сильную руку, помогая забраться повыше и сесть прямо рядом с ним. Небо над рекой буквально полыхало багровыми, густыми красками. В моих пальцах был зажат сладкий медовый петушок на палочке — Чейз купил его мне в том же фургончике ради глупой шутки, когда я засмотрелась на витрину со сладостями.

Некоторое время мы сидели в абсолютной, удивительно уютной тишине, наслаждаясь моментом и слушая, как остывает мотор машины. Внезапно Чейз повернулся ко мне, и его лицо стало непривычно, пугающе серьезным.

— Слушай, Айри... — тихо, вкрадчиво начал он, внимательно всматриваясь в мое лицо. — Я знаю, что, может, всё это и слишком быстро происходит между нами. Я и сам, честно говоря, чертовски удивлен. Обычно я долго присматриваюсь к людям, держу дистанцию. Но... ты мне реально очень нравишься. С самой первой секунды, когда я увидел тебя за стойкой кофейни в зеленом фартуке.

Мое сердце глухо, тяжело ухнуло куда-то вниз и, кажется, вообще на секунду перестало биться. Я так и замерла на теплом металле капота с этим леденцом в руке, боясь сделать даже мимолетный вдох.

— Может, это любовь с первого взгляда? — Чейз мягко, чуть смущенно улыбнулся, но в его потеплевшем взгляде читалось сильное волнение. Он не врал. Я видела в его позе абсолютную, взрослую и пугающую меня серьезность.

Прежде чем я успела собраться с мыслями и хоть что-то ответить, он плавно протянул руку, аккуратно взял меня за подбородок и большим пальцем нежно, бережно провел по уголку моих губ. Видимо, я всё-таки умудрилась испачкаться горчичным соусом от хот-дога, пока замороженно засматривалась на закатное небо. От этого интимного, заботливого жеста я окончательно потеряла дар речи, чувствуя, как щеки стремительно вспыхивают пунцовым цветом.

Чейз не убирал руки. Его пальцы продолжали мягко, гипнотизирующе оглаживать мою скулу. Он ждал моего ответа, не сводя с меня глаз.

— Ты... станешь моей девушкой, Айри?

В моей голове в эту секунду пронеслось сумасшедшее, ликующее: *«Да, конечно, я согласна!»*. Господи, сам Чейз Девенпорт, лучший нападающий лиги и главная мечта половины девчонок кампуса, сидит со мной на капоте машины и предлагает мне официальные отношения. В это верилось с огромным трудом. И плевать, что всё развивалось так стремительно, почти безумно. Я смотрела на его открытое, честное лицо и понимала, что хочу до конца довериться этому чистому чувству.

Я замороженно посмотрела в его глаза и... просто согласно, робко кивнула, соглашаясь на эту красивую неизвестность.

Чейз облегченно выдохнул, и его лицо оказалось совсем близко, сокращая последние дюймы между нами. Он на мгновение замер на опасном расстоянии, едва касаясь моих ресниц своим горячим дыханием, словно бережно проверял — оттолкну я его в последний момент или нет. Мое сердце зашло в бешеном, рваном ритме, и я осталась неподвижной, не в силах пошевелиться под его магнетическим влиянием.

А затем он всё же аккуратно, трепетно прикоснулся к моим губам.

В этот раз мой поцелуй поначалу был робким, отчаянно неуверенным. Поскольку я еще ни с кем в своей жизни не встречалась официально, этот момент казался мне чем-то невероятно важным, хрупким и сокровенным. Наша вчерашняя близость была спонтанной, но сейчас, когда я стала его девушкой, ответственность пугала. Я была откровенно неопытна в поцелуях. Да, я кое-что умела, но Чейз двигался с такой безупречной, опытной грацией, что мне мгновенно стало не по себе. Внутри болезненно уколол стыд: мне казалось, что я целуюсь ужасно, и я безумно боялась, что он сочтет меня неумехой. Не потому, что мне было противно, а просто от осознания собственной неловкости перед парнем, который явно знал в этом толк.

В темноте перед глазами внезапно, непрошенной вспышкой возникло старое, глупое воспоминание из прошлого. Нам тогда с Рейнаром было: мне пятнадцать, ему шестнадцать. Мы собрались огромной школьной компанией на каникулах и играли в банальную бутылочку. Стекло горлышка четко указало на нас двоих, и под улюлюканье друзей нас закрыли в тесном, абсолютно темном шкафу для одежды, где мы должны были просидеть три минуты.

Оказавшись в удушающей темноте среди чужих курток, я жутко паниковала. Рейнер сначала лениво шепнул: *«Миллер, расслабься. Хватит дышать как загнанный кролик. Давай просто постоим здесь положенное время, и никто снаружи ничего не узнает»*. Я с облегчением кивнула. Но Торнтон уже тогда был красивым, не по годам развитым парнем, который всю крутил романы со старшеклассницами. Он помолчал пару секунд, а потом его голос в темноте внезапно изменился, теряя привычную насмешливость: *«Знаешь что, Лив... А давай я тебя лучше научу. Ты ведь еще ни разу ни с кем не целовалась, верно?»*.

Честно сказать, я тогда смущалась до одури, сердце готово было выпрыгнуть из груди, но я всё же так же робко кивнула ему в полумраке, как только что кивнула Чейзу.

Тот поцелуй с Рейнаром был странным. Я совершенно ничего не понимала, зажалась, и Рейн, мягко удерживая меня за плечи, терпеливо объяснял, что именно я должна делать. Его губы были непривычно горячими, а голос — низким и хриплым: *«Не замирай, поддавайся навстречу... Вот так. А теперь коснись моего языка своим. Мягко, Миллер, не торопись»*.

Как бы я тогда ни старалась следовать его инструкциям, тот первый опыт казался мне катастрофическим и неуклюжим просто потому, что я была деревянной от страха. И когда три минуты истекли, Рейнер, отстранившись и тяжело дыша, нагло ухмыльнулся в темноте и выдал свою фирменную шутку, которую я запомнила на всю жизнь:

«Ну и ну, Миллер. Официально заявляю: это был самый худший поцелуй в моей жизни. Но не переживай, я буду рад научить тебя снова, ведь здесь нужна долгая, упорная практика».

После этого он толкнул дверь шкафа, и я больше никогда не позволяла ему переступить эту черту, спрятавшись за броней из вечных пикировок.

Но сейчас, на капоте огромного красного внедорожника, Чейз словно почувствовал мою минутную заминку и этот дурацкий страх оказаться неумехой. Он отстранился на долю секунды, мягко, понимающе улыбнулся своими теплыми губами прямо мне в лицо и еще ближе, надежнее притянул меня к своему широкому телу.

— Просто расслабься, Айри, — бархатно, интимно проговорил он мне прямо в губы, обжигая их своим рваным дыханием. — Ты всё делаешь правильно. Доверься мне.

И я беспрекословно подчинилась этому успокаивающему голосу, отбрасывая прочь все мысли о Торнтоне. Я попыталась полностью уловить каждое мимолетное движение Чейза, расслабляя зажатые плечи и подстраиваясь под его уверенный, неспешный ритм. Его поцелуй постепенно становился глубоким, детальным и настолько чувственным, что всякая неуверенность растворилась в пьянящем тепле. Чейз действовал безумно бережно, его язык ласково проник в мой рот, исследуя и полностью подчиняя себе мои чувства, стирая остатки девичьего стыда.

Я полностью отдалась этому моменту, окончательно теряя всякую связь с реальностью. В какой-то момент я с удивлением обнаружила, что уже сижу прямо у него на коленях, устроившись на его крепких бедрах. Мое легкое платье задралось, и я кожей ощущала плотную ткань его джинсов. Я обвила его талию ногами, робко, но с нарастающей страстью зарываясь пальцами в его мягкие волосы. Тонкое кружевное белье под нарядом казалось обтягивающим и горячим, а внизу живота всё мучительно и сладко стянулось в тугой узел. Чейз прерывисто вздохнул, его ладони собственнически легли на мои бедра, прижимая меня к своему сильному телу еще плотнее.

Когда воздух в легких окончательно закончился, он плавно оторвался от моих губ первым. На его лице играла теплая, торжествующая и очень нежная улыбка.

— Не будем торопиться, — тихо проговорил он, тяжело дыша и бережно поглаживая меня по спине через джинсовую куртку. — Я не хочу смущать тебя ещё больше, Айри.

— Да, ладно... — прошептала я, улыбаясь в ответ и пытаясь аккуратно слезть с его колен, чтобы унять дрожь в теле.

Но Чейз не позволил мне уйти. Он удержал меня за талию, просто сильнее прижимая к своей груди в крепких, надежных объятиях, и еще раз коротко, собственнически поцеловал меня в самый уголок губ. Мы сидели под ночным небом, и я чувствовала себя самой счастливой девчонкой во всем этом чертовом кампусе.

Когда красный внедорожник наконец затормозил у моего дома, ночь уже окончательно вступила в свои права. Наш двор был пуст, и лишь тусклый желтый свет одинокого уличного фонаря пробивался сквозь кроны деревьев.

Чейз заглушил мотор, проводил меня до крыльца, и там, стоя у самого подъезда в густой тени навеса, мы просто не могли отлипнуть друг от друга. Время словно остановилось. Все мои страхи о том, что всё развивается слишком быстро, окончательно растаяли под его теплыми ладонями, которые уверенно покоились на моей талии.

Мы снова и снова целовали друг друга. На этот раз у меня уже получалось гораздо лучше: я больше не замирала деревянной шпалой, а смело, с нарастающей уверенностью отвечала на его движения, полностью растворяясь в моменте. Этот поцелуй был тягучим, глубоким и безумно пьянящим. Весь мир вокруг перестал существовать, сузившись до стука наших сердец и тяжелого, прерывистого дыхания на двоих.

— Добрых снов, солнышко, — тихо проговорил Чейз, когда мы наконец неохотно отстранились друг от друга. Его голос откровенно хрипел, а в глазах плясали опасные искорки.

— Добрых, — едва слышно отозвалась я.

Дыхание полностью закончилось, а мои губы горели и заметно опухли от долгих, накаленных поцелуев. Чейз еще раз мягко коснулся ладонью моей щеки, нежно провел большим пальцем по нижней губе и, дождавшись, пока я скроюсь за тяжелой дверью подъезда, не спеша пошел обратно к своей машине.

Я поднималась по ступенькам на свой этаж, чувствуя себя так, словно парю в невесомости. В голове до сих пор стоял туман, а во рту отчетливо оставался сладкий привкус того самого медового леденца. На моем лице блуждала глупая, мечтательная улыбка. Я была абсолютно, безоговорочно счастлива.

Глава 10

Дверь моей квартиры оказалась не заперта на ключ, и у меня внутри на секунду всё похолодело от глупого, детского испуга. Приоткрыв её, я аккуратно проскользнула внутрь, стараясь не шуметь и сжимая в руках сумочку. Но стоило мне включить тусклый свет в прихожей и увидеть Рейнера, как я облегченно, шумно выдохнула.

Он мерил шагами маленькую гостиную, на ходу раздраженно швыряя какие-то свои вещи в огромную спортивную сумку.

— Ты время вообще видела, Миллер? — вместо приветствия глухо, почти зловеще проговорил он.

Рейнер резко затормозил посреди комнаты, развернулся ко мне и выразительно, с силой постучал пальцем по стальному циферблату своих наручных часов. В его голосе вибрировала такая ярость, что воздух в прихожей мгновенно стал осязаемо тяжелым.

— Нет, не видела, — буркнула я, демонстративно скидывая кеды у порога и пытаюсь казаться абсолютно невозмутимой.

Рейнер замер и в упор посмотрел на меня своим тяжелым, пронзительным и пугающе трезвым взглядом. Я неловко повела плечами, чувствуя, как под этим рентгеном внутри всё начинает странно, предательски плавиться. Я была абсолютно уверена, что на моем лице, с этими до сих пор горящими, покрасневшими щеками и слегка припухшими от долгих поцелуев Чейза губами, и так всё написано крупным, жирным шрифтом. Рейн медленно скользнул взглядом по моим открытым ногам, задержался на губах, и я физически ощутила, как по его телу прошла судорога. Он лишь шумно, со свистом выдохнул сквозь плотно сжатые зубы и упрямо поджал губы, резко отворачиваясь обратно к своей сумке.

Я не собиралась перед ним отчитываться. В последнее время он слишком сильно нянчился со мной, и эта его внезапная одержимость тотальным контролем начинала меня откровенно, глубоко раздражать.

— Ты всё же решил наконец освободить мою территорию? — поинтересовалась я, проходя в гостиную и заметив, что добрая часть его огромных толстовок, которая обычно сиротливо висела в моем шкафу, уже небрежно упакована в баул.

Рейнер коротко, язвительно усмехнулся, с силой застегивая один из металлических замков: — Не дождешься, Миллер. Я отсюда так просто не исчезну.

Он легким пинком пододвинул ко мне другую, абсолютно забитую доверху текстильную сумку, от которой безошибочно, убойно пахло потом и ледовой ареной. Я недовольно скосила нос, демонстративно отступая на шаг назад.

— Только не говори, что я должна всё это стирать, Торнтон! Я тебе не личная прислуга и не сестра, ясно? И уж точно не твоя девушка и не жена, слава богу. У твоих пассий шелковые ручки для этого приспособлены. Бери весь этот хлам и вези к себе в особняк.

— Зефир, ну ты же прекрасно знаешь мои отношения с отцом в последнее время, — Рейнер резко сбавил обороты. Он сделал шаг ко мне, сокращая расстояние. Его голос стал непривычно тихим, хриловатым, а на красивом лице появилось донельзя жалостливое, просящее выражение. То самое выражение, против которого у меня с самого детства никогда не было иммунитета. Он умел мной манипулировать как никто другой. — И с этим чертовым хоккеем. Дома стиралка сломалась, горничная в отпуске, а отец караулит меня в гостиной с какими-то юридическими контрактами и юристами. Я просто не могу там находиться, у меня крыша едет. Прошу, Зефирка, неужели ты не можешь мне помочь?

Я тяжело, обреченно выдохнула, чувствуя, как вся моя напускная злость и броня стремительно тают под этим его вкрадчивым взглядом.

— Сам будешь стирать, Рейн. Я пальцем не прикоснусь к твоим хоккейным джерси. У меня, между прочим, была бессонная ночь из-за одного похмельного придурка, и меня уже как час ждет теплая постель.

Я потянулась, чтобы повесить куртку на крючок, но Рейнер бесшумно вырос прямо у меня за спиной. Его большие, горячие ладони легли поверх моих рук, перехватывая джинсовку. Его пальцы намеренно, медленно скользнули по моей коже, оставляя за собой шлейф покалывающего, обжигающего жара. Меня буквально прошило мощным разрядом тока от кончиков пальцев до самых пяток. Внизу живота сладко, мучительно потянуло, и я замерла, боясь обернуться. Это было странное, пугающее чувство, которое будоражило меня каждый раз, когда он оказывался слишком близко. Но я упорно, ожесточенно оттолкнула эти мысли прочь. Мы друзья. Лучшие друзья. У Рейнера полно длинноногих моделей, он бабник, меняющий девчонку как перчатки, а я... я уже в официальных отношениях. Чейз мне безумно нравится, он надежный, открытый, и я только что согласилась стать его девушкой.

Рейнер не отпускал куртку, продолжая удерживать мои руки в своей горячей хватке. Он наклонился ниже, так что его тяжелое, рваное дыхание опалило мою шею, заставив кожу покрыться крупными мурашками.

— Ты светишься, Миллер, — тихо, с какой-то опасной, вибрирующей хрипотой в голосе произнес он прямо мне в ухо. — И от тебя пахнет чужой мятой. Кино было настолько интересным?

— Рей, пусти, — прошептала я, пытаюсь высвободить пальцы, но его хватка была железной.

— Ты ведь думаешь, что нашла свою идеальную книжную романтику, да? — Торнтон резко развернул меня за плечи к себе, вынуждая посмотреть на его суровое лицо. Его челюсть ходила ходуном, а серо-стальной взгляд буквально прожигал во мне дыру. Он смотрел на меня с такой неистовой, отчаянной болью, от которой у меня перехватило дыхание. — Ты чертовски слепая, Айрис. Ты смотришь по сторонам, ищешь какие-то фальшивые знаки, но в упор не видишь того, что происходит прямо перед твоим носом. Ты ходишь в слепой зоне, Зефир. И когда-нибудь ты очень больно разобьешься.

Я непонимающе нахмурилась, глядя на его тяжело вздымающуюся грудь:

— О чем ты говоришь, Рей? При чем тут Чейз? Отец давит на тебя, и ты срываешься на мне!

Рейнер внезапно горько, глухо усмехнулся, и его пальцы медленно разжались, выпуская мои плечи. Он отступил на шаг, и мне мгновенно стало холодно без его осязаемого тепла.

— Да, Миллер, — тихо процедил он, забрасывая рюкзак на плечо и подхватывая вторую сумку. — Ты абсолютно права.

— Ладно, меня уже как час ждёт Бэтт, — отозвался он с улыбкой, снова возвращая свою привычную маску ленивого мачо. — Сумка на тебе.

— Ты просто невыносим, — простонала я, без сил падая на диван прямо рядом с его сумкой и устало глядя на него снизу вверх. — Я не буду ясно? — возмутилась я. — Завел бы ты уже лучше себе одну нормальную девчонку. Одну и навсегда. Надоел, ей-богу, менять их каждые три дня.

Рейнер внезапно замер на месте. Его ухмылка исчезла, а глаза на мгновение потемнели так сильно, что мне стало не по себе. В полумраке гостиной повисла давящая, наэлектризованная тишина. Он смотрел на меня сверху вниз, словно мучительно о чем-то размышлял, взвешивая каждое слово, и этот его взгляд буквально пригвоздил меня к дивану.

— Та девушка, которая мне действительно нужна, уже очень давно в упор меня не видит, Зефир, — негромко, с какой-то странной, режущей слух горечью проговорил он. В его низком голосе прорезалось столько скрытой боли, что у меня перехватило дыхание.

Я на секунду нахмурилась, совершенно не понимая, о ком он говорит, и отчаянно пытаюсь переварить услышанное. Рейнер Торнтон, главный бабник кампуса, сохнет по кому-то безответно? Это не укладывалось в голове.

— Ну так выбери из тех семи, что у тебя есть прямо сейчас, — беззаботно отмахнулась я, потягиваясь на диване и пытаюсь сбросить это странное, удушающее напряжение. — Среди них наверняка найдется та, которая с радостью постирает твою форму. Ты просто зажрался, Торнтон. Смотришь куда-то не туда.

Рейнер сделал резкий шаг вперед, нависая надо мной всем своим массивным телом, так что его тень полностью перекрыла свет от торшера.

— Это я-то смотрю не туда, Миллер? — тихо, с какой-то опасной, вибрирующей хрипотой процедил он сквозь зубы. Он наклонился ближе, и его взгляд на секунду опустился к моему лицу. — Из нас двоих не туда смотришь именно ты. Ты просто заигралась в свою недотрогу и полностью потеряла связь с реальностью.

Я растерянно моргнула, чувствуя, как от его близости, от запаха можжевельника и тепла его кожи внутри всё переворачивается в диком, хаотичном танце. Его слова больно кололи.

— О чем ты вообще говоришь, Рей? — возмутилась я, упираясь ладонями в его твердую грудь, чтобы немного отодвинуть его от себя. Под моими пальцами бешено билось его сердце. — При чем тут я? Если твоя загадочная пассия тебя отшила, это не значит, что нужно срывать свою злость на мне!

— А меня и так сейчас всё устраивает, — резко и сухо отозвался Рейнер, мгновенно меняясь в лице, стоило мне упомянуть другую девушку.

Он перехватил мои запястья, на секунду сжал их слишком крепко, обжигая кожу своими пальцами, а затем резко отпустил. На его лицо снова вернулась привычная, непроницаемая маска холодного и уверенного в себе парня. Он с силой дернул замок сумки, застегивая её до конца.

— А меня вот не устраивает, ясно? — я упрямо вздернула подбородок, глядя на него снизу вверх и пытаюсь унять дрожь в руках. — У меня теперь парень есть. Настоящий. И я вообще не собираюсь в перерывах между свиданиями с ним стирать твою вонючую спортивную форму.

Рейнер тут же нахмурился, и его челюсть снова качнулась от плотно сжатых зубов. На секунду мне показалось, что он сейчас взорвется, швырнет эту сумку в стену или сделает что-то безумное, но он лишь обиженно пробурчал под нос:

— Приду завтра и сам всё постираю. Не трогай ничего.

Он резко развернулся, подхватил свой баул с чистыми вещами и уверенными, тяжелыми шагами зашагал к выходу.

— Поздравляю, — глухо бросил он уже в прихожей, даже не обернувшись. В этом коротком слове не было ни капли дружеской радости — только лед и какая-то злость.

В следующую секунду с той стороны прозвучал тяжелый, хлесткий звук закрывающегося замка. Рейнер ушел.

Я осталась сидеть на диване в полной тишине, чувствуя, как мое настроение после идеального свидания с Чейзом начинает медленно покрываться глубокими, уродливыми трещинами. Слова Рейнера почему-то оставили в душе странный, ноющий след.

Я перевела взгляд на оставленную посреди гостиной вторую сумку. Из полуоткрытого замка донесся такой отчетливый, ядреный аромат ледовой арены, пота и мужского дезодоранта, что я поморщилась.

— Ну уж нет, Торнтон, — со стоном выдохнула я, закрывая лицо руками.

Я прекрасно понимала: если я оставлю этот баул здесь до завтра, за ночь этот амбре намертво пропитает всю мою крошечную квартиру, включая шторы и постельное белье. Мне в любом случае придется её постирать прямо сейчас. Просто ради собственного выживания.

Кое-как поднявшись на ноги, я ухватила тяжеленную сумку за одну лямку и, шумно ругаясь на всех хоккеистов мира, медленно потащила её по полу в сторону ванной комнаты. Моя идеальная романтическая ночь плавно превращалась в ночную смену прачки.

Глава 11

С того памятного свидания на капоте машины пролетело чуть больше недели. Наша жизнь закрутилась с какой-то бешеной, кинематографичной скоростью, не оставляя времени на сомнения. Чейз оказался потрясающим, чутким парнем. Каждое божье утро он неизменно приезжал к моему старому кирпичному дому на своем глянцевом красном внедорожнике, бережно завозил меня в кофейню перед началом смены, терпеливо ждал у деревянной кассы свою порцию американо, а перед уходом на тренировку нежно, открыто целовал меня у всех на виду. Он оставлял меня глупо улыбаться у стойки и чувствовать себя абсолютно счастливой на весь оставшийся день.

Теперь практически всё свободное время мы проводили вместе. Он ввел меня в свой круг и познакомил со своими ближайшими парнями по регбийной лиге — Кайлом и Рони. Эти двое оказались знатными шутниками и при каждом удобном случае вовсю, безжалостно подкалывали Чейза насчет «домашней девчонки под боком». Они громко ржали и утверждали, что раньше за их суровым нападающим такой ванильной, трепетной одержимости замечено не было. Чейз в ответ просто со смехом посылал их куда подальше, притягивая меня к себе, а я смущенно прятала лицо у него на широком плече.

В университетской столовой Чейз теперь тоже на постоянной основе сидел за нашим столом. Картина со стороны выглядела забавно: в нашей компании образовались сразу две официальные, воркующие «ванильные пары» — Нейт с Мией и мы с Чейзом. Итан и Рейнер на этом фоне остались гордыми, подчеркнутыми одиночками. Оба хоккеиста были жутко недовольны тем, что мы вчетвером напрочь портим им всю брутальную пацанскую атмосферу своими постоянными обнимашками. Они демонстративно кривили носы, а мы с Мией лишь весело переглядывались и смеялись над их кислыми, суровыми минами.

Нейтан и Чейз, на удивление, быстро нашли общий язык. Они стремительно сблизилась на почве спорта и теперь проводили кучу времени вместе, рубясь в приставку в гостиной дома братства. Оказалось, у них даже вкусы в алкоголе полностью совпадали: оба терпеть не могли пиво, в отличие от вечно глушащих эль Итана и Рейнера, зато обожали мешать сок с водкой.

Вот и сейчас мы все вместе сидели в огромной, душной гостиной дома хоккейного братства, где обычно по выходным проводились самые шумные и безумные студенческие вечеринки. Вокруг оглушительно грохотала музыка, басы били прямо по нервам, кто-то в углу уже вовсю резался в бирпонг на длинном столе, а в воздухе стоял стойкий, сизый запах алкоголя и табачного дыма. Пока Чейз и Нейтан были полностью поглощены напряженным матчем в фифу, а Мия громко, с визгом болела за своего парня, я решила тихонько дойти до кухни, чтобы взять себе еще одну бутылку холодной колы.

Но стоило мне переступить порог кухонной зоны, как в меня на полной скорости кто-то тяжело врезался. В следующую секунду я почувствовала неприятный, липкий холод, и на моей новой белой футболке мгновенно расплзлось огромное, жуткое багровое пятно.

— Оу, черт... Прости, Айрис! — прошептал уже изрядно пьяный Итан, испуганно глядя на плоды своего тарана. В руке он судорожно сжимал пустой пластиковый стакан. — Ей-богу, Миллер, вообще не видел тебя! В глазах всё плывет.

— Всё нормально, Картер, — вздохнула я, принимаясь из его рук пачку бумажных салфеток и пытаюсь судорожно промокнуть ткань. Томатный сок въедался в белый хлопок прямо на глазах, превращая вещь в грязное месиво.

— Лучше замыть в уборной... — виновато проговорил он, косясь на это художество на моей груди.

— Да, пожалуй, так будет лучше, — согласилась я.

Бросив мокрые салфетки в ведро и напрочь позабыв про напиток, я развернулась и поспешила подняться по деревянной лестнице на второй этаж, где находилась большая общая уборная братства. Я закрылась, включила ледяную воду и честно попыталась хоть как-то оттереть это кроваво-красное пятно. Но какой в этом был смысл? Футболка была безнадежно, окончательно испорчена. А стоять тут полуголой, пытаюсь застирать вещь под краном в разгар шумной тусовки, было явно не самым лучшим и безопасным вариантом.

В этот самый момент дверная ручка резко дернулась, замок с треском щелкнул, и дверь уборной без стука распахнулась. Я вздрогнула от неожиданности, инстинктивно прикрывая грудь руками.

— Пардон! — тут же прозвучал до боли знакомый, хриплый голос. Дверь с хлопком закрылась обратно.

Но не успела я облегченно выдохнуть, как задвижка снова поддалась, дверь открылась, и в ванную уверенно вошел Рейнер, аккуратно прикрыв за собой замок. Он держал в руке наполовину пустую бутылку темного пива, и от его фигуры мгновенно повеяло можжевельником и холодом.

— Не говори только, что ты не пережила эту тусовку и тебя уже знатно стошнило, Миллер, — хмыкнул он, лениво опершись спиной о косяк и в упор разглядывая меня. На его лице играла привычная, дерзкая ухмылка.

— Итан и его чертов томатный сок, — страдальчески простонала я, убирая руки и демонстрируя ему масштаб катастрофы на своей груди.

— У-у-у... — Рейнер понимающе протянул, и его губы тронула колючая ухмылка. — Это значит, что Картера сегодня снова жестоко бросила Роуз Пэрри. Тяжелый случай.

Он отставил свою стеклянную бутылку на край раковины, плавным движением стащил с себя объемное черное худи, под которым осталась лишь простая серая майка, выгодно обтягивающая его рельефный торс защитника, и без лишних слов протянул теплую ткань мне.

— Переоденься. А это художество лучше вообще выброси, — проговорил он, слегка сморщив нос и кивнув на мою грудь. — От тебя теперь разит так, словно на тебя реально кто-то нарыгал в углу.

— Неправда! — тут же оскорбленно возмутилась я, хотя спорить с очевидным было глупо. Запах томата вперемишку со спиртом действительно оставлял желать лучшего.

Рейнер понимающе хмыкнул и демонстративно, по-джентльменски отвернулся к стене, давая мне личное пространство. Я быстро стянула испорченную футболку, оставшись в одном кружевном черном топе, и спешно натянула на себя его теплое объемное худи. Ткань, хранившая жар его тела, мгновенно окутала мою кожу, заставив внутри всё странно, сладко сжаться. Толстовка оказалась настолько огромной, что полностью скрыла мою короткую юбку, превратившись в полноценное плотное платье.

Закатав длинные рукава до локтей, я все же включила воду и попыталась оттереть пятно на своей футболке жидким мылом. Но чуда не произошло: въевшийся багрово-оранжевый след так и остался красоваться на ткани.

— Если хочешь, я куплю тебе завтра точно такую же, — неожиданно тихо, негромко проговорил Рейнер, бесшумно вырастая прямо позади меня и внимательно разглядывая мое отражение через зеркало над раковиной.

— Нет, спасибо, — буркнула я, с силой отжимая мокрую ткань и безжалостно швыряя её в мусорную корзину под раковиной. — Обойдусь.

— Ах, точно. Прости, я и забыл, что у тебя теперь есть богатый, незаменимый парень, — с ленивой, сочащейся ядом ухмылкой выдал он через зеркало.

— Хватит, Рейн! — тут же резко отозвалась я, разворачиваясь к нему лицом и упираясь спиной в холодный край раковины.

Торнтон мгновенно замер, а его издевательская ухмылка сползла с лица.

— Я прекрасно вижу и понимаю, что у вас с Чейзом с самого первого дня что-то крупно не заладилось в команде и в братстве. Но прекрати срываться из-за своего эго на мне, ясно? — я упрямо, зло посмотрела в его потяжелевший, хмурый взгляд. — Чейз хороший, заботливый. И мне абсолютно не нужно твое официальное одобрение, чтобы строить с ним серьезные отношения.

Рейнер тут же опасно, до белизны поджал губы. Вместо того чтобы отступить и дать мне уйти, он сделал резкий шаг вперед, полностью нависая надо мной. Он со стуком уперся обеими ладонями в края раковины по бокам от меня, зажимая меня в ловушку между своих сильных рук. От него ощутимо пахло хмелем, а взгляд подернулся пеленой. Внутри меня от этой близости всё перевернулось, а пульс забился где-то в висках. Каждое его дыхание отзывалось дрожью в моих коленях.

— Меня просто до усрачки раздражает смотреть на то, как ты стелешься перед ним, Миллер, — глухо, сдерживая рык, пробурчал он мне прямо в лицо, и его горячее дыхание обожгло мои губы. — Девенпорт далеко не так прост и идеален, как тебе кажется, Зефир. А ты, как наивная, слепая дура, ведешься на все эти его слащавые, фальшивые сопли.

— И что же, по-твоему, с ним не так? — я тут же инстинктивно вскинула руки, плотно складывая их на груди в защитной реакции, чтобы не коснуться его майки. Сердце в груди испуганно и сладко заколотилось. — Скажи прямо, если что-то знаешь!

— Будет чертовски здорово, если этот ублюдок сам тебе когда-нибудь расскажет, — процедил Рейнер сквозь зубы, резко отталкиваясь от раковины и разрывая нашу дистанцию, словно ему самому было физически тяжело дышать рядом со мной в этой тесной уборной. — Но мой тебе совет, Миллер: лучше сразу разорвать всё это дерьмо, пока не стало слишком поздно.

— Ты просто бесишься, что я встречаюсь именно с ним, потому что он твой главный соперник на поле и всю метит на твоё место капитана! — в сердцах, задыхаясь от обиды, крикнула я ему в спину, когда он уже решительно направился к выходу.

Рейнер замер у самой двери, крепко взявшись рукой за металлическую ручку. Он медленно повернул голову, смерил меня тяжелым, абсолютно непроницаемым и каким-то опустошенным взглядом, а затем глухо, безэмоционально бросил:

— Именно так, Миллер. Ты, как всегда, зорко зришь в самый корень.

Остаток вечеринки протекал в куда более размеренной и приятной атмосфере. Стоило мне спуститься на первый этаж, как я мельком заметила Рейнера. Он стоял чуть поодаль от общей, забитой студентами гостиной, в полутемном переходе у деревянной лестницы, и уже вовсю засовывал язык в глотку какой-то новой девчонке с параллельного курса. Чем именно закончится эта сцена для них двоих в одной из спален второго этажа, абсолютно все в этом доме знали заранее и без лишних слов. В груди почему-то неприятно заныло.

Мы же с Мией, решив поскорее сбежать от этого раздражающего зрелища, перехватили у барной стойки по свежему прохладному коктейлю и направились во внутренний дворик, подальше к большому бассейну. Выйдя на улицу, мы обе тяжело, облегченно выдохнули, наслаждаясь возможностью наконец-то отдохнуть от оглушающей, бьющей по ушам музыки. Приятно было подставить разгоряченную танцами кожу прохладному ночному воздуху. Мы устроились на мягких шезлонгах у самой кромки колеблющейся воды.

— Знаешь, Лив... Мне непривычно видеть тебя такой счастливой, — внезапно нарушила тишину Мия, отставляя свой бокал на пластиковый столик и посмотрев на меня с непривычной серьезностью.

Я сделала медленный глоток своего напитка и повторила её жест, убирая стакан в сторону.

— Это странно, не так ли? Всё происходит слишком быстро.

— Нет, что ты! — она тут же активно замахала руками, но из-за приличного количества выпитого алкоголя у нее это получалось дико забавно. Её движения были смазанными, словно у какой-то пьяной музы в полете. Я даже тихонько захихикала, поддразнивая её и передразнивая эти плавные, нелепые пассы руками.

— Это здорово, Лив, — уже тише, серьезнее продолжила Мия, подтягивая голые колени к своей груди. — Сейчас как раз тот самый возраст, когда любовь приходит быстро, и она самая страстная. Даже если... даже если это и не навсегда.

Я тут же нахмурилась, и моя веселая улыбка мгновенно улетучилась. Когда Мия Брукс начинала подобные философские разговоры с налётом светлой грусти, это означало только одно — у них с Нейтаном снова что-то шло не так.

— Рассказывай, что стряслось? — потребовала я, внимательно глядя на поникшую подругу.

Мия тяжело, со свистом вздохнула, потянулась к столику и залпом допила остатки своего крепкого коктейля.

— Нейтан уедет сразу после выпуска в Нью-Йорк, — глухо выдала она, и её голос на секунду болезненно дрогнул. — Его пригласили в очень сильную профессиональную хоккейную команду. И он согласился. Почти сразу, Лив. Хотя прекрасно знал, что я уже выбрала и утвердила здесь место для своей будущей архитектурной стажировки. Нейт ведь всегда говорил, что хоккей для него — это просто игра, увлечение... А сам побежал подписывать контракт, как только его позвали. Я теперь вообще не уверена, что наши отношения сохранятся. Тебе ли не знать про все эти чертовы отношения на расстоянии? Это же утопия.

Я грустно посмотрела на колеблющуюся от неоновой подсветки воду бассейна и тихо, потерянно пожала плечами:

— Вообще-то, если честно, Брукс, я без понятия. Чейз — это первый парень, с которым у меня вообще строится хоть что-то по-настоящему серьезное. По крайней мере, я очень на это надеюсь.

Я тоже медленно поникла в собственных, не самых веселых размышлениях. Слова Мии обманчиво больно укололи где-то в груди. Их выпускной курс действительно летел к финалу с бешеной скоростью, а это значило, что нашу устоявшуюся компанию скоро раскидает по разным городам, и взрослая жизнь со своими жесткими правилами уже наступала нам на пятки.

— Но Чейз и правда хороший, — добавила я, пытаюсь всеми силами отогнать дурные мысли и ободряюще улыбнуться подруге. — Знаешь, он иногда настолько идеальный, что это даже как-то приторно и противно.

Мия шмыгнула носом, посмотрела на мое лицо, и мы обе снова негромко рассмеялись, разделяя эту минутную девичью слабость на двоих.

Наш грустный междусобойчик продлился недолго. Парни, которые, видимо, из окон гостиной бдительно отслеживали наши перемещения, тут же заметили наши кислые мины. Дверь на террасу с грохотом распахнулась, и на дорожку выбежали Чейз и Нейтан. На ходу скидывая свои куртки и обувь, они с победными воплями подлетели к нам. Не успели мы с Мией даже пикнуть, как они сгребли нас в охапку прямо с шезлонгов и с оглушительным всплеском с разбега разом плюхнулись вместе с нами в теплую, прогретую воду бассейна.

Ночной воздух огласился нашими громкими визгами, брызгами и смехом.

— Чего грустим, солнышко? — мягко проговорил Чейз, уверенно удерживая меня на плаву, пока я инстинктивно обвивала ногами его талию, а руками крепко держалась за его шею.

— Мы просто размышляли, — тихо отозвалась я, мельком поглядывая на Мию. Подруга уже вовсю слюнявила лицо Нейтана, прерывисто, горячо целуя его прямо в воде. Судя по всему, они оба изрядно перебрали с алкоголем, и я была абсолютно уверена, что завтра утром они будут горько плакать от дикой боли в голове.

Мы же с Чейзом плавно пристроились у самого бортика, чуть в стороне от их бурного примирения. Вода в бассейне была восхитительно теплой благодаря мощным обогревателям, а его лицо находилось так близко, что я видела каждую прозрачную капельку на его ресницах.

— И что же тебя так расстроило? — спросил он, по своей неискоренимой привычке бережно убирая влажную светлую прядь волос мне за ухо.

— Мы думали о том, что будет после выпуска парней, — тихо вздохнула я, утыкаясь носом в его плечо. — Мия переживает, что Нейтан уедет в Нью-Йорк, а она останется здесь. Ну, ты понимаешь... расстояние, туманное будущее и всё такое. Это пугает.

Чейз понимающе кивнул, и его лицо стало серьезным:

— Это тяжело, бесспорно. Но разве настоящая любовь исчезнет из-за километров? В такой ситуации всегда можно найти компромисс, если люди действительно хотят быть вместе. Переехать с ним, например.

— Ты хоть можешь иногда быть не таким правильным и идеальным? — беззаботно, беззлбно проворчала я, глядя на его безупречный профиль.

Чейз весело рассмеялся, заглушая мой ропот, наклонился и нежно поцеловал меня во влажные от брызг губы.

— Я далеко не идеальный, Айри. К примеру, я только что пил томатный сок с водкой. Отврат полнейший, если честно. Но мне пришлось это сделать, потому что Итану сейчас очень паршиво после расставания, и я должен был его как-то поддержать.

Я тут же брезгливо скривила нос, вспоминая жуткий багровый след на своей одежде, оставленный Картером. И только в этот момент Чейз наконец-то обратил пристальное внимание на то, во что именно я была одета. Огромное черное худи Рейнера сильно раздулось в воде, как колокол.

— Итан пролил на меня свой томатный сок, — поспешно рассмеялась я, опережая его вопросы. — Так что Рейн одолжил мне свою кофту, чтобы я не ходила полуголой по дому братства.

К моему огромному удивлению, Чейз даже не приревновал. В его глазах не промелькнуло ни капли той собственнической, удушающей злости, которую я подсознательно ожидала увидеть, помня реакцию Торнтона на любые чужие знаки внимания. Это почему-то болезненно, странно укололо меня где-то глубоко внутри, оставляя неприятный осадок. Я наивно думала, что он хотя бы проявит характер, нахмурится или жестко скажет что-то вроде: *«Могла бы попросить мою куртку или сразу прийти ко мне в комнату»*. Но Чейз лишь понимающе кивнул и снова нежно притянул меня к себе.

Его большие, горячие ладони уже привычно и уверенно забрались под мокрый, тяжелый край чужого худи, мягко сминая мою талию и неторопливо поглаживая обнаженную спину. От его прикосновений по телу побежали обжигающие мурашки, стирая остатки мыслей.

— Может, сбежим отсюда? — интимным шепотом проговорил он мне прямо в губы, обжигая дыханием.

И я, не задумываясь ни на одну секунду и отчаянно стремясь заглушить странную внутреннюю пустоту, согласно кивнула.

Глава 12

Пока я стягивала с себя в ванной мокрые после бассейна вещи и отправляла их в барабан стиральной машины, Чейз терпеливо ждал меня в гостиной. Переодевшись в сухое, уютное домашнее платье, я наконец вышла к нему и неловко протянула чистые, аккуратно сложенные серые спортивные и свободную черную футболку. Уверена, Рейн будет в полном бешенстве, если узнает, но мне было безумно, невыносимо стыдно, что Чейз стоит посреди моей комнаты абсолютно сырой и заметно дрожит от прохладного ночного воздуха.

Чейз удивленно выгнул бровь, переводя взгляд со стопки вещей на мое растерянное лицо.

— Рейнер, — тихо отозвалась я, поспешно отводя глаза в сторону. — Он... ну, иногда оставляет здесь свои вещи. На всякий случай. Чтобы не таскать баулы.

Чейз секунду помедлил, словно взвешивая, стоит ли надевать одежду своего главного соперника, но все же забрал и скрылся за дверью, чтобы переодеться. Когда он вернулся, на его лице отчетливо проступило тщательно скрываемое недовольство — серые спортивные сидели на нем чуть плотнее, чем на Торнтоне. И, как ни странно, этот его хмурый вид меня даже немного расслабил. Значит, ему всё-таки не всё равно. Тот самый легкий уколчик ревности, которого мне так отчаянно не хватало у бассейна, наконец-то в нем проснулся.

Пока я возилась на крошечной кухне, заваривая нам горячий, ароматный кофе, Чейз неторопливо, по-хозяйски ходил по квартире. Он внимательно изучал пространство, в котором я живу, и, конечно же, закидывал больше всего внимания на чисто мужских вещах, которые то и дело попадались ему на глаза. У меня сложилось стойкое, раздражающее ощущение, будто Рейн словно специально разбросал свой хлам тут прямо на самых видных местах, маркируя границы. Чертов Торнтон! Я ведь точно помнила, что буквально на днях убирала его дурацкие журналы и запасные хоккейные ленты в самый дальний ящик, а сейчас они снова каким-то мифическим образом красовались на полке.

— И часто он у тебя бывает? — спросил Чейз, плавно проходя на кухню, садясь за стол и принимая из моих рук дымящуюся кружку. В его голосе скользнули натянутые нотки.

— Не сильно часто, — я слегка замялась, оперевшись поясницей о кухонную столешницу и пряча ладони за спину. — Он иногда ночует на этом диване, когда задерживается на раскатах. Или просто забывает шмотки после того, как мы все вместе тут сидим нашей шумной компанией. Ты только ничего такого не подумай, пожалуйста!

Я тут же испуганно, смущенно затараторила, когда Чейз мягко, но уверенно перехватил мою ладонь и плавно притянул меня к себе на колени. Я покорно устроилась на его крепких бедрах, инстинктивно обвивая руками его шею.

— Мы просто дружим с ним почти с горшков. И... он вроде няньки для меня, — я проговорила это тихо, открыто, заглядывая в его лицо. — Играет роль заботливого, ворчливого старшего брата. Мой отец лично попросил его приглядывать за мной перед отъездом в кампус. Торнтон пообещал.

Чейз довольно, облегченно кивнул. Ему явно понравился этот честный ответ, и жесткое напряжение в его плечах мгновенно спало. А что я, собственно, должна была ему сказать, если так оно и было на самом деле? В моих глазах Торнтон всегда оставался просто Рейном — невыносимым, опекающим другом, и никем более.

— Но у меня есть одно жесткое, нерушимое правило, — добавила я, ухмыльнувшись и слегка расслабившись в его руках. — Чтобы он ни в коем случае не водил ко мне сюда своих многочисленных девиц. Помимо его бесконечных свитеров, мне тут еще не хватало находить чужие трусы или ещё чего похуже. Ну и плюс ко всему он иногда тайно платит за эту квартиру, поэтому будет странно и по-свински, если я его сюда вообще пускать не буду.

— Платит за квартиру? — Чейз снова удивленно приподнял брови, на секунду замерев с кружкой у самых губ.

— Ну да. Мне не всегда хватает моей скромной зарплаты в кофейне, аренда дорогая, а он сам это делает. Причем просто ставит перед фактом: мимоходом предупреждает, что перевел хозяину сумму, или кидает смс из банка с чеком. Говорит, что платит за аренду дивана.

— Понял, — негромко проговорил Чейз. Он бережно поставил кофе на стол, полностью освобождая руки, и крепко обнял меня за талию, утыкаясь лицом в изгиб шеи. Его губы мягко, щекотно коснулись моей кожи, вызывая мурашки. — Старший брат, который играет в няньку и подкидывает денег... Что ж, это действительно успокаивает. Мне гораздо легче понимать то, что он здесь находится не потому, что вы...

— Эй! — я тут же несильно, возмущенно ударила его кулаком по плечу, прерывая фразу. — Даже не смей произносить это слово вслух в этой святой святых, ясно тебе? Иначе у меня прямо сейчас завянут все цветы!

Чейз тут же весело, хрипло рассмеялся, легко перехватывая мои запястья ладонями. А в следующую секунду он одним движением подхватил меня на руки, уверенно поднимаясь со стула, и понес в сторону моей полутемной спальни.

— Надеюсь, они не завянут от одного моего присутствия здесь? — интимным, низким шепотом проговорил он, аккуратно укладывая меня на мягкую кровать и мгновенно нависая сверху, полностью блокируя все пути к отступлению.

— Думаю, им даже намного лучше, когда ты здесь, — едва слышно, задыхаясь от близости его тела, прошептала я в ответ.

Я запустила пальцы в его прохладные волосы и полностью отдалась его новому, требовательному поцелую.

Его поцелуи обжигали кожу, стремительно стирая из головы последние капли здравого смысла. Я растворялась в его сильных руках, чувствуя, как по телу волнами пробегает невыносимый, сладкий и тягучий жар. Весь мир вокруг сузился до размеров моей кровати, прерывистого дыхания Чейза и бешеного стука двух сердец. В какой-то момент, полностью потеряв контроль над собственными мыслями под действием его губ, я сама не заметила, как мои ладони забрались под нижний край его футболки. Рейнеровский серый хлопок в эту секунду показался мне лишним, мешающим барьером, и я нетерпеливым, лихорадочным движением стянула вещь через его голову, отбросив куда-то на пол.

Мои ладони скользили по его горячим, рельефным лопаткам, кожа к коже. Тонкое кружевное белье под домашним платьем казалось обжигающим. Чейз на секунду замер, его поцелуй стал глубже, требовательнее, сминая мои губы, но затем он внезапно перехватил мои запястья, мягко, но упрямо прижимая их к белой подушке по бокам от моей головы.

— Айри... Не думаю, что это хорошая идея, — хрипло продышал он мне прямо в губы. Его дыхание было тяжелым, рваным, а во взгляде плясало бешеное пламя, которое он с видимым трудом удерживал под жестким замком контроля. — Я не хочу торопиться. Поверь мне, у нас ещё будет время. Обязательно будет.

— Чейз, прошу... — едва слышно прошептала я ему в самые губы, пытаюсь высвободить руки из его захвата.

Я никогда в своей жизни не чувствовала себя такой раскрепощенной, смелой и отчаянной. И, будем честны, легкий алкогольный коктейль, выпитый у бассейна на пару с Мией, сыграл в этом далеко не последнюю роль. Мне хотелось забыться в его тепле, заглушить все странные слова Торнтонна.

Но Чейз, как истинный, благородный джентльмен, мягко, но уверенно ослабил мой пыл. Он аккуратно отстранился, укладываясь рядом на матрас, притянул меня к своему горячему боку и бережно укрыл нас мягким пледом до самого подбородка. Его сердце в груди колотилось как сумасшедшее, выстукивая быстрый ритм.

— Перестань, солнышко, — он нежно поцеловал меня в лоб, пальцами перебирая мои растрепанные светлые волосы. — Мы обязательно это сделаем. Но только тогда, когда оба будем уверены в этом трезво, на все сто процентов. Я не хочу, чтобы наутро ты жалела о поспешности или думала, что я просто воспользовался моментом и твоим состоянием. Ты слишком дорога мне для этого, Айри.

Я уткнулась носом в его обнаженное плечо, чувствуя, как к горлу внезапно подступает ком странной, щемящей девичьей благодарности. Он был идеальным. Настолько правильным, заботливым и понимающим, что это казалось почти нереальным. С четкой, согревающей мыслью о том, что мне невероятно, сказочно повесело с выбором, я наконец закрыла глаза и безмятежно уснула в полумраке спальни, согреваемая его сильными, надежными руками.

Я проснулась от странных, приглушенных, но пугающе отчетливых ругательств, доносившихся со стороны кухни. Звуки чужих, наэлектризованных раздражением мужских голов заставили меня моментально подорваться с постели. Голова после вчерашних коктейлей с Мией глухо подвывала. На ходу судорожно закутавшись в пушистый плед как в защитный кокон, я испуганно выбежала в гостиную, готовая увидеть в своей квартире всё что угодно.

Рейнер стоял посреди кухни, злой как черт, и с явным, диким остервенением тыкал пальцем прямо в грудь Чейза. Девенпорт к этому моменту уже успел переодеться обратно в свои сухие, чистые вещи и теперь с каменным, абсолютно непроницаемым лицом созерцал этот агрессивный утренний наезд.

— Это, нахрен, моя чашка! — прошипел Рейнер, указывая на большую керамическую кружку, на которой красовалась забавная надпись «Зефирный хоккеист».

У меня внутри всё болезненно сжалось. Я сама лично подарила ему эту чашку на его семнадцатилетие, когда мы еще учились в школе. И Торнтон специально, нагло оставил её здесь, на моей маленькой кухне, ежедневно напоминая о том, что «Зефир» — это я, а «хоккеист» — это он. Я тогда просто глупо, невинно пошутила, когда заказывала принт в лавке, а он в итоге превратил шутку в эксклюзивное право.

— В чем дело вообще? Что вы устроила спозаранку? — громко, пытаясь перекрыть их обоюдное рычание, проговорила я, останавливаясь в дверном проеме. Вид у меня, должно быть, был еще тот: заспанная, растрепанная, сердитая и с ног до головы завернутая в огромное одеяло.

Рейн резко, рваным движением обернулся на мой голос. Его грозовой, потемневший взгляд мазнул по мне, укутанной в плед, задержался на оголенных плечах, а затем снова с удушьяющей яростью переместился на Чейза.

— Просто пусть твой парень не смеет трогать мои личные вещи, когда ты притаскиваешь его сюда на ночь! — жестко, отрывисто отрезал Рейнер, с силой скрестив руки на широкой груди. — Почему тебе можно приводить сюда кого попало, нарушая наши правила, а мне нельзя?

— Вообще-то, Рейн, это моя съёмная квартира, — тут же холодно, со злостью, напомнила я ему, делая уверенный шаг вперед.

Торнтон от моих слов внезапно осекся и замер на месте, словно со всего размаху наткнулся на невидимую бетонную стену. Его упрямая челюсть судорожно дернулась, а желваки заходили ходуном.

— Я не знал, что эта кружка твоя, — спокойно, без капли страха подал голос Чейз, переводя прямой взгляд на Рейнера и ни разу не смущаясь его тона. — Можешь забрать её себе, я из нее еще не пил.

— Ненавижу американо, — процедил Рейнер сквозь зубы, швыряя чистое кухонное полотенце прямо на стол. Он скосил глаза на Чейза и ядовито, с ухмылкой добавил: — И передай своему парню, Миллер, что у него через пару лет стоять ни хрена не будет после таких крепких утренних напитков на голодный желудок. Вот же ты тогда знатно, горько расстроишься, Зефир.

Рейн со злостью потер ладонью переносицу, явно пытаясь подавить рвущуюся наружу ярость. Он выглядел так, будто готов был прямо сейчас разнести мою крошечную кухню к чертям, а затем вышвырнуть регбиста в окно.

— Ведушь себя как законченный придурок, Торнтон, — тихо, качая головой, бросила я.

Он ничего не ответил. Резким, размашистым движением подхватил с дивана свою сумку с чистой спортивной формой, которую я полночи, проклиная всё на свете, застирывала в ванной. Рейнер буркнул сквозь зубы короткое, сухое: «Спасибо, что постирала», и стремительным шагом направился к выходу, с грохотом захлопнув за собой входную дверь.

В квартире воцарилась звенящая, удушающая и безумно неловкая тишина. Чейз так и остался стоять у стола. Он молча, очень пристально и тяжело поглядывал на меня.

— У него что... есть собственные ключи от твоей двери? — Чейз медленно, опасно выгнул бровь, и в его низком голосе прорезались первые, отчетливые и пугающие нотки настоящей ревности.

— Черт... — тихо шикнула я себе под нос, разворачиваясь на пятках и поспешно возвращаясь в свою комнату.

Я явно сейчас была абсолютно, категорически не готова к сценам ревности, допросам и выяснениям отношений. Вчера вечером у бассейна у меня, возможно, и был глупый девичий азарт расшевелить в Чейзе собственнические чувства, но точно не с самого утра, с дикой головной болью и разъяренным Торнтоном на пороге.

— Айри? Ответь мне. У него есть ключи от этой квартиры? — Чейз пошел следом за мной, тяжело останавливаясь прямо в дверях моей спальни и блокируя выход. Его широкие плечи были напряжены. — Ты ведь вчера уверяла меня, что он бывает здесь крайне редко, просто забывает шмотки! А сейчас он вваливается спозаранку, качает права и орет из-за какой-то чашки!

— Я же тебе еще вчера всё подробно объяснила, Чейз! — раздраженно, теряя терпение, отозвалась я. Я сбросила пушистый плед на кровать и принялась лихорадочно натягивать сухую чистую футболку. Я стояла перед ним в одном кружевном нижнем белье, но мне было плевать. — Он регулярно платит за эту чертову квартиру, плюс тут куча его вещей!

— У вас с ним... — Чейз опасно прищурился, делая уверенный шаг вглубь моей маленькой комнаты. В его голосе послышался жесткий металл. — Послушай, Айри, это не выглядит как обычная дружба. Со стороны это выглядит так, будто вы делите гораздо больше, чем просто счета за аренду дивана. Он ведет себя здесь так, словно имеет на тебя все права! Словно он — хозяин этого места и твоей жизни, а я... я просто какой-то идиот, который случайно зашел сюда на ночь и взял не ту кружку! Меня это не устраивает.

— У нас с ним ничего нет и никогда не было! — я резко развернулась к нему лицом, упрямо, до предела вздернув подбородок. Сердце в груди бешено, испуганно колотилось от несправедливости его обвинений. — Мы просто друзья, Чейз. И если ты собираешься устраивать мне здесь следственный допрос с пристрастием из-за того, что мой лучший друг просто зашел забрать свою постиранную форму перед тренировкой, то нам лучше прямо сейчас, раз и навсегда, закончить этот разговор. Я не буду оправдываться за свою жизнь!

— Ладно, извини. Я перегнул палку, — глухо, резко остывая, проговорил Чейз.

Он устало потер лицо ладонями, выдыхая скопившееся напряжение. Он сделал шаг вперед и мягко, но крепко притянул меня к себе за талию, как раз в тот момент, когда я наконец-то с тихим щелчком застегнула металлическую молнию на своих джинсах. Его плечи заметно расслабились, но в потяжелевших глазах всё ещё читалось остаточное, болезненное напряжение ревности.

— Просто... это реально выглядит со стороны максимально глупо и дико, Айри, — тихо, с хрипотцой вздохнул он, утыкаясь носом в мою макушку и вдыхая аромат моих волос. — В моей практике ещё ни разу не было такого, чтобы моя девушка так близко дружила с каким-

то парнем, да ещё и фактически делила с ним жильё и стирала его джерси. Любой бы на моем месте сошел с ума.

— Поверь мне, Чейз, — я слегка отстранилась на расстояние вытянутой руки и серьезно, открыто посмотрела в его теплые глаза, пытаясь развеять его страхи. — У меня к Торнтону чувства примерно такие же, как к теплому молоку.

Он удивленно выгнул бровь, на секунду растерявшись от такого сравнения:

— Это ещё как, солнышко? При чем тут молоко?

— Я его органически, физически терпеть не могу, — я забавно, брезгливо сморщила нос. — Меня от одного его вида и запаха тошнит. В самом прямом, физическом смысле слова. Так что расслабься.

Чейз на секунду замер, переваривая мою тираду, а затем громко, оглушительно и искренне облегченно рассмеялся на всю спальню, окончательно отпуская утреннюю обиду и превосходство защитника. Он прижал меня к себе сильнее, оставляя нежный поцелуй на моем виске.

— То есть мне можно вообще не переживать за конкуренцию со стороны этого сурового ледового защитника? — весело подмигнул он.

— Абсолютно, Торнтон вне конкуренции, — твердо отозвалась я, поднимаясь на цыпочки.

Оставив на его гладко выбритой щеке короткий, примирительный поцелуй, я наконец-то вырвалась из его крепких объятий. Быстро убежав в ванную, я умылась ледяной водой, наспех подкрасила ресницы черной тушью и мазнула губы прозрачным блеском, чтобы скрыть утреннюю бледность от недосыпа. После этого мы вместе вернулись на кухню и приготовили нормальный, полноценный завтрак с яичницей, без всяких глупых разборок из-за именных кружек и чужих ключей. Жизнь снова казалась правильной, но слова Рейнара до сих пор сидели глубоко во мне, отравляя этот утренний уют.

Глава 13

В половину девятого Чейз, как и обещал, отвез меня на работу к «Пряничному латте», помог донести сумку и, крепко, надежно обняв на прощание, уехал. Впереди были длинные выходные, но провести их вместе нам было не суждено — Чейз на все три дня уезжал за город, чтобы навестить родителей и привезти младшей сестре кое-какие необходимые вещи из дома.

Мы переписывались с Чейзом все выходные напролет. Он постоянно присылал мне милые селфи на фоне уютного родительского дома, звонил по видеосвязи поздними вечерами, подробно расспрашивая, как проходят мои скучные смены у кассы. Его искреннее внимание грело душу и заставляло хоть как-то отвлекаться от гнетущих, липких мыслей после нашей утренней ссоры с Торнтоном из-за кружки.

«Я безумно скучаю по тебе, солнышко», — пришло от него теплое текстовое сообщение утром в понедельник.

Чейз должен был вернуться в Оквуд к самому началу первой пары, но его авиаарейс внезапно задержали из-за жуткой непогоды, и он пообещал приехать только ближе к вечеру. Вздыхнув, я убрала мобильник в глубокий карман джинсов и принялась настраивать кофемашину к наплыву студентов.

В этот самый момент стеклянная дверь кофейни привычно, звонко звякнула. Я на автомате подняла голову и замерла на месте. На пороге появился Рейнер. И, конечно же, по своей неизменной, укоренившейся привычке, он уже вошел сюда с очередной новой девушкой — на этот раз высокой, ухоженной блондинкой в дорогом кашемировом пальто.

Они вальяжно подошли к стойке. Девчонка брезгливо окинула быстрым взглядом наше меню, а затем перевела на меня капризный взгляд и имела наглость высокомерно заявить на весь зал:

— Эй, можно побыстрее? Мы очень торопимся. Сделай мне карамельный макиато, и давай живее, ладно?

Я на секунду буквально опешила от такой неприкрытой, базарной грубости и инстинктивно перевела взгляд на Торнтон. Рейнер в своей темно-синей куртке стоял прямо рядом с ней, лениво засунув руки в карманы. И он в свою очередь даже ничего не сказал. Вообще. Он просто сделал каменный, абсолютно безразличный вид, будто его здесь нет, а перед ним стоит совершенно посторонняя, незнакомая ему бариста.

Это знатно, до глубины души обозлило меня. Внутри всё мгновенно закипело от жгучей обиды. Рейнер Торнтон мог сколько угодно издеваться надо мной сам, подкалывать и доводить до белого каления, но он никогда за все долгие годы нашей дружбы не позволял другим людям вытирать об меня ноги или открыто хамить в его присутствии. Он всегда врубал режим агрессивного защитника. Но сейчас его ледяное, демонстративное безразличие резануло по сердцу сильнее любого оскорбления. Наша стена холода росла.

Я с трудом проглотила вставший в горле горький ком и в упор посмотрела на капризную блондинку:

— Думаю, тебе стоит поучиться нормальному тону, — ледяным, но абсолютно ровным, профессиональным тоном проговорила я. — А заодно сходи почитай инструкции о том, как вообще работает рожковая кофемашинка. Извини, но она, в отличие от некоторых студентов, не подчиняется чужим капризам и не умеет делать напитки быстрее положенного времени. Если тебя что-то не устраивает, вы с парнем можете спокойно сходить в другую кофейню на соседней улице. Уверена, там вам сделают кофе намного быстрее.

Блондинка возмущенно открыла рот, собираясь выдать порцию ответного яда, но я уже не собиралась её слушать.

— Джейк, подмени меня на кассе на пару минут, — резко, громко крикнула я напарнику, который как раз удачно вышел из кухонной зоны.

Я рванула завязки темно-зеленого фартука, с силой сорвала его с себя и швырнула под стол на полку. Схватив готовый стакан с горячим макиато, я с глухим стуком поставила его перед удивленной блондинкой. Я сделала это настолько резко, нервно и неаккуратно, что крутой кипяток выплеснулся через край пластиковой крышки, попадая мне прямо на тыльную сторону ладони.

Обжигающая, резкая боль мгновенно протрезвила мою горячую голову. Смахнув горячие капли с покрасневшей кожи и упрямо сжав зубы, чтобы не показать им свою слабость, я стремительно ушла в подсобку, с грохотом хлопнув за собой тяжелой деревянной дверью.

Оказавшись в полумраке тесной комнаты среди коробок с сиропами, я прислонилась спиной к стене и наконец-то позволила себе шумно, прерывисто выдохнуть. Ладонь нещадно пекло, кожа горела, но еще сильнее полыхало внутри от осознания того, что Рейнер максимально меня раздражает. С появлением Чейза он просто стал меня абсолютно бесить со своими дурацкими детскими обидами, капризами и этой внезапной стеной ледяного холода. Если он решил вести себя как последний придурок из-за того, что у меня наконец-то появилась нормальная личная жизнь, — что ж, скатертью дорожка.

Я простояла в темноте подсобки пару минут, заставляя сердце биться спокойнее. Затем решительно открыла дверь и вышла в зал, сразу подхватив свой студенческий рюкзак из-за стойки. На руке уже отчетливо багровело свежее пятно ожога, но я упрямо спрятала ладонь в карман куртки.

— Джейк, я на учебу, — бросила напарнику, проходя мимо кассы.

— Хорошего дня, Лив! — крикнул он мне вслед.

Выходя из заведения, я демонстративно, с высоко поднятой головой прошла прямо мимо столика Рейнера. Он и его новая блондинка мило беседовали, о чем-то тихо шепотом переговариваясь, и Торнтон даже ухом не повел, когда моя куртка едва не задела спинку его стула. Я толкнула стеклянную дверь и ушла на улицу.

На улице уже вовсю лил плотный, хмурый осенний ливень. У меня не было с собой зонта, резкие порывы ветра мгновенно бросили косые холодные капли мне прямо в лицо, но мне было абсолютно плевать. Я упрямо зашагала по лужам в сторону учебного корпуса, даже не пытаясь бежать под навесы. Холодная дождевая вода приятно остужала горящие щеки, а в голове крутилась только одна-единственная мысль: *«Ничего. Вечером вернется Чейз, и всё снова будет хорошо»*. Чейз — моя реальность, мой правильный выбор, а Торнтон пусть катится к черту со своим детским игнором.

Я вытащила руку из кармана, чтобы поправить лямку рюкзака, и поморщилась от резкой боли. Кожа на тыльной стороне ладони в некоторых местах моментально покрылась мелкими водяными пузырями от ожогов. Всё ныло и горело, напоминая о том, как глупо я позволила вывести себя из равновесия. Но, разглядывая пострадавшую руку под проливным дождем, я пообещала себе, что Рейнер Торнтон больше никогда не увидит ни единой моей слабости.

Кое-как добравшись до университета, я на автомате зашла в аудиторию. Моя правая рука нещадно ныла, но я упрямо уселась за парту, надеясь затеряться в толпе. Лекция, как назло, снова оказалась совместной со старшим выпускным курсом.

Я достала тетрадь, перехватила капиллярную ручку здоровыми пальцами и попыталась сосредоточиться. Вдруг над моей партой выросла массивная, монументальная фигура. Прежде чем я успела хоть что-то сообразить, Рейнер бесцеремонно, буквально за шкирку выставил моего одноклассника со стула, вынуждая бедного парня испуганно ретироваться на верхний ряд. Эта огромная скала молча, с тяжелым вздохом опустилась на сиденье прямо рядом со мной, мгновенно заполнив всё пространство запахом можжевельника, дождя и кожи.

Я демонстративно отвернулась к окну, игнорируя его присутствие. Но Торнтон не собирался играть по моим правилам.

Его большая, горячая ладонь внезапно, но безумно бережно и аккуратно перехватила мою пострадавшую руку. От неожиданности пальцы разжались, и ручка с тихим стуком выпала, покотившись прямо по лекционной тетради. Я вздрогнула, пытаясь резко выдернуть кисть из его стальной хватки, но Рейнер лишь крепче, надежнее сжал мое запястье, фиксируя его на своем бедре.

Он молча, упрямо поджал губы, бросив один-единственный тяжелый взгляд на багровеющую кожу и мелкие водяные пузыри. На его лице не было ухмылки — только сосредоточенность. Свободной рукой он залез в карман своей куртки, достал оттуда какой-то гель и, по-прежнему крепко удерживая мою руку под партой, принялся подушечкой пальца максимально аккуратно распределять мазь по ожогу.

— Отпусти, Торнтон! Мне не нужна твоя помощь! — зло, яростно прошептала я, снова дернувшись.

— Прекрати дергаться, Зефир, ты делаешь себе только хуже, — негромко, с какой-то непривычной, вибрирующей под кожей нежностью отозвался он прямо мне в ухо. От его низкого голоса и тепла, исходившего от его плеча, по моему телу пронеслась волна покалывающего жара.

Я замерла, подчиняясь его сильным рукам. Руку под действием геля постепенно переставало печь, уступая место теплу его пальцев. Рейнер закончил обрабатывать кожу, закрыл тюбик, а затем, как ни в чем не бывало, достал из своего рюкзака чистую тетрадь и бесцеремонно сунул её мне прямо под нос, нагло перекрывая мои записи.

— Мне тоже лекцию напиши, — лениво выдал он, мгновенно возвращая на лицо маску самоуверенного придурка.

От этого нахального, эгоистичного действия я чуть как чайник от злости не закипела. Мои губы открывались от возмущения, эмоции бушевали, а внутри всё кричало о том, какой он невыносимый наглец. Но с другой стороны... где-то глубоко под ребрами почему-то разлилось тягучее, запретное тепло. Я мысленно начала ожесточенно ругать себя за эту слабость. Ведь у меня есть парень! Чейз идеальный, мы вместе, и я не должна чувствовать эту душную, плавящую химию к лучшему другу. Я должна быть зла на него за кофейню! Но, глядя на Рейнера — такого спокойного, невозмутимого, сидящего так близко, что его бедро плотно прижималось к моему, — мне в самый первый раз в жизни захотелось просто сдаться. Захотелось буквально бесформенной лужей растечься на этой жесткой университетской лавке, лишь бы он не отпускал мою руку. *«Почему? Какого черта со мной происходит?»* — панически думала я, упрямо утыкаясь носом в его тетрадь, пока сердце в груди выстукивало сумасшедший, рваный ритм абсолютного поражения.

Вечером, как и обещал, вернулся Чейз. Из-за непрекращающегося проливного дождя, который сплошной стеной поливал стекла окон, мы решили остаться у меня дома. Он привез с собой огромный пакет с гостинцами от мамы — там были домашние черничные кексы и потрясающее печенье с шоколадной крошкой. Оккупировав гостиную, мы включили какой-то глупый фильм и уютно устроились на стареньком диване. Я была в своей любимой уютной пижаме с кленовыми листьями, а Чейз скинул теплое худи, оставшись в одних спортивных штанах.

Мы искренне смеялись над нелепыми шутками из телевизора, хрустели печеньем, а потом начали спокойно обсуждать, как прошла его поездка к родителям.

— Слушай, мама, кажется, решила скормить нам годовой запас углеводов, — улыбнулся Чейз, кивая на полупустой пакет с ароматной выпечкой. — Она так обрадовалась, когда узнала, что у меня появилась девушка. Отец даже подмигнул и спросил, не та ли это бариста, ради которой я стал пить американо ведрами в «Пряничном латте».

— И что ты ему ответил? — хихикнула я, сильнее прижимаясь к его широкому, теплему плечу.

— Сказал, что именно та самая, — он мягко притянул меня ближе, обнимая за талию. — Сестренка тоже передавала огромный привет. Ей полегче, втянулась в медицинский, так что мои круглосуточные дежурства в ее общежитии пока отменяются. Все выходные дома я только и думал о том, как хочу поскорее вернуться сюда. К тебе.

Все это время его большие, теплые пальцы аккуратно, почти невесомо поглаживали мою обожженную руку, стараясь ни в коем случае не задевать мелкие водяные пузыри. Моя ладонь всё еще неприятно, нудно ныла, и Чейз в конце концов упрямо уговорил меня помазать кожу специальным кремом от ожогов, который сам же нашел в моей аптечке.

Спустившись с дивана на ковер, он сел напротив, бережно перехватил мою пострадавшую кисть и принялся максимально аккуратно, подушечкой пальца распределять прохладную мазь по покрасневшим участкам.

— Ну как так можно было, Айри? — негромко, с бесконечной, искренней заботой в голосе проговорил он, легонько, прохладно дую на воспаленную кожу. — Пожалуйста, будь в следующий раз аккуратнее с этим кипятком. Не хочу, чтобы ты страдала.

Конечно же, я не рассказала ему, из-за чего действительно всё так произошло в кофейне и уж тем более умолчала о том, что Рейнар уже обработал её. Зачем ему знать про капризную блондинку и ледяное молчание Торнтон? В какой-то степени я ведь и правда сама была виновата в своей неосторожности — не нужно было так резко швырять этот злосчастный стакан с макиато на стойку.

Глядя на то, с каким трепетом Чейз обрабатывает мою пострадавшую руку, я почувствовала, как внутри разливается огромная волна щемящей нежности. Весь дневной негатив окончательно отступил.

— Чейз... — тихо прошептала я.

Он поднял на меня свои теплые глаза. Я плавно подалась вперед, перебралась к нему на мягкий ковер и уверенно забралась прямо к нему на колени, усаживаясь лицом к нему и обвивая руками его крепкую шею.

— Я так скучала, — искренне, открыто проговорила я, утыкаясь лбом в его подбородок.

Чейз открыто, невероятно нежно улыбнулся, откладывая тюбик с мазью на пол. Его сильные ладони привычно, согреваяще легли мне на талию под пижамную кофту, обжигая кожу.

— Знаю, солнышко. Я скучал так же сильно, — негромко отозвался он, подаваясь вперед и накрывая мои губы своим мягким, согревающим поцелуем, который пах домашней черникой и сладкой карамелью.

— Не хочу больше ждать, — проговорила я ему прямо в губы, когда очередной поцелуй внезапно перерос во что-то совершенно необузданное, глубокое и лишаящее последних капель контроля.

Чейз на секунду отстранился, тяжело дыша. Его взгляд потемнел от шторма бушующих внутри чувств, а ладони на моей талии заметно сжались.

— Ты уверена, Айри? — хрипло, сдерживая дыхание, уточнил он, внимательно вглядываясь в мое лицо. — Абсолютно уверена в этом?

— Я трезва, как ты видишь, — смущенно улыбнулась я, чувствуя, как щеки обдаёт приятным девичьим жаром. — Ну... не считая этого пьянящего аромата маминогo черничного печенья.

Чейз тихо, бархатно рассмеялся, и это окончательно разрушило остатки неловкости между нами. Одним легким, уверенным движением он поднялся со мной с пола, крепко удерживая на руках, и уверенно понес в сторону спальни. В полумраке коридора его шаги казались абсолютно бесшумными.

— Пока мы идем, я даю тебе ровно пару секунд, чтобы передумать, солнышко, — негромко отозвался он, сильнее прижимая меня к своей горячей груди. — Потому что потом я уже просто не смогу остановиться.

— Не останавливайся, Чейз, — прошептала я, поглаживая его крепкие плечи и робко зарываясь пальцами в прохладные кудри.

Он толкнул дверь спальни ногой. В комнате царил уютный полумрак, разбавляемый лишь косыми полосами света от уличного фонаря через залитое крупными каплями дождя окно. Чейз аккуратно опустил меня на мягкие простыни и мгновенно навис сверху, накрывая мои губы новым, требовательным и невероятно горячим поцелуем.

Вся моя прошлая скованность и неопытность словно окончательно растворились в его тепле. Я беспрекословно подчинялась каждому движению его рук, которые уверенно, но безумно бережно снимали с меня пижамную кофту, стараясь ни в коем случае не задеть пострадавшую руку с ожогом. В этой интимной тишине спальни, под мерный стук проливного дождя за стеклом, мир вокруг перестал существовать. Не было никакого колледжа, никаких дурацких профессоров, никаких кофейных стоек и, главное, не было ледяного взгляда Рейнера Торнтон. Был только Чейз.

Мы полностью растворились в ощущениях, синестезии тепла и прерывистого, тяжелого дыхания на двоих. Его пальцы мягко переплетались с моими, горячая кожа обжигала при прикосновениях, а шепот в темноте кружил голову сильнее любого алкоголя. Это было безумно чувственно, накалено и так правильно, что в какой-то момент у меня из глаз едва не покатались слезы от переполнявшего грудь абсолютного счастья. Я доверяла ему на все сто процентов.

Правда, в самом начале я на мгновение испугалась, инстинктивно сжалась и замерла, думая, что он заметит это и остановится. Ожидала, что Чейз увидит, как я невольно отступаю назад перед этой пугающей неизвестностью первой близости. Но я лишь крепко закусил губу, пытаюсь справиться с волнением.

Чейз среагировал мгновенно. Он притормозил, мягко улыбнулся в полумраке комнаты и заглянул мне в глаза, бережно убирая влажную прядь с моего лба.

— Всё хорошо, солнышко? — тихо, с бесконечной, взрослой нежностью спросил он. — Если ты хочешь, мы можем просто подождать...

Он сделал паузу, готовый в ту же секунду отстраниться и унять свой пыл ради моего комфорта. Но куда было останавливаться? Мы уже касались друг друга горячими телами, и от его близости по моей коже бежали сводящие с ума мурашки. Я понимала, что обратного пути нет.

Я закрыла глаза, полностью отдаваясь его движениям рук, его горячим губам, которые спускались к моей шее. Напряжение внутри росло, плавя последние остатки здравого смысла. Чейз навис надо мной сильнее, фиксируя мои руки, и в этот самый миг перед моими глазами в полумраке спальни внезапно вспыхнуло странное, пугающее видение. Сквозь пелену собственных чувств я четко, осязаемо увидела, что надо мной склоняется вовсе не Чейз.

Надо мной нависал Рейнер.

Его тяжелый взгляд, его резкие скулы и этот шрам над бровью проступили в темноте так явно, словно он действительно был здесь. Я испуганно затаила дыхание, сердце пропустило удар, а по телу пробежал ледяной трепет. Я лихорадочно зажмурилась, судорожно проморгалась и снова открыла глаза. Передо мной по-прежнему был Чейз, который удивленно и встревоженно смотрел на меня.

Внутри меня всё мгновенно завязалось в тугой, болезненный узел. Я сама не поняла, что со мной только что произошло, этот внезапный морок до смерти напугал меня. Раскрепощенность испарилась, появилась паника и стыд перед парнем, который был ко мне так добр.

— Чейз... я... я не могу, прости, — прерывисто, едва слышно прошептала я, упираясь ладонями в его плечи и отворачивая голову в сторону. — Прости.

Чейз на секунду замер. В его потемневшем взгляде промелькнула тень тяжелого, бушующего шторма, а ладони на моей талии заметно напряглись, но он мастерски, в ту же секунду взял себя в руки. Он шумно выдохнул, гася свой пыл, и аккуратно отстранился. На его лицо вернулась мягкая, заботливая улыбка.

— Всё хорошо, солнышко. Я всё понимаю, — тихо, с бесконечной нежностью проговорил он, ни капли не обидевшись.

Он плавно улегся рядом со мной на простыни, бережно притянул меня к своему теплему обнаженному боку и укрыл нас двоих тяжелым пледом до самого подбородка. Чейз долго и нежно перебирал мои светлые волосы, целуя в макушку и успокаивая мое бешено колотящееся сердце, пока наше дыхание плавно выравнивалось в тишине комнаты.

Я уткнулась носом в его плечо, отчаянно пытаюсь заглушить жуткий внутренний голос. Чейз был идеальным, понимающим и таким правильным. Так почему же в темноте этой спальни мое подсознание так упрямо звало совершенно другого человека?

Глава 14

Наверное, каждая девушка мечтает проснуться после своего первого раза, открыть глаза и увидеть растрепанного, абсолютно счастливого парня, а потом снова услышать от него те самые тихие, ломающие сердце слова любви, которые он дарил ей ночью в темноте спальни.

Я проснулась в потрясающем, окрыленном настроении. Но вот только я обо всем этом не мечтала. Потому что у меня вчера ничего не получилось. Как и всегда это происходит со мной, я сама же завела этот момент, сама проявила инициативу, а в итоге в самый интимный момент испугалась глупого видения и оставила Чейза ни с чем. Но моя окрыленность была вызвана другим: Чейз не разозлился. Он проявил такую нереальную, чуткую заботу, укрыл меня пледом и просто заснул в обнимку со мной, прошепав в темноту слова, от которых внутри всё таяло. Я была уверена, что встретила своего идеального человека.

За окном всё так же монотонно шумел утренний дождь, но внутри порхали тропические бабочки. Из кухни уже доносился до безумия приятный, густой аромат свежесваренного кофе и теплой маминой выпечки, которую мы вчера так и не доели. Сладко потянувшись, я на ходу завернулась в пушистое одеяло прямо на голое тело и, счастливо улыбаясь как круглая дура, ленивой походкой побрела в гостиную.

Но моя улыбка исчезла сразу же, стоило мне переступить порог кухонной зоны. Настроение рухнуло вниз с высоты одиннадцатого этажа.

На кухне возился вовсе не Чейз. На моем стуле, бесцеремонно развалившись и закинув ногу на ногу, сидел Рейнер Торнтон. Он лениво залипал в свой телефон, удерживая в одной руке мою кружку, которую он когда-то подарил мне в отместку, с надписью «Собственность капитанского зефира», и неторопливо пил утренний кофе.

Я застыла на месте, крепче перехватывая края одеяла на груди. Воздух в помещении в секунду стал холодным и удушливым.

Рейнер медленно поднял на меня свои потяжелевшие, абсолютно непроницаемые глаза. На его лице не дрогнул ни один мускул. Он молча, с каменным выражением лица поджал губы, засунул руку в карман своих спортивных штанов и достал оттуда аккуратно сложенный вдвое клочок бумаги. Рейн лениво помахал им в воздухе, а затем с тихим шуршанием откинул его на деревянный стол.

Я на не слушающихся ногах сократила расстояние между нами, стараясь держаться как можно дальше от его стула. Схватив бумажку со стола, я бегло мазнула глазами по знакомому аккуратному почерку Чейза:

«Солнышко, мне экстренно позвонил тренер, нужно срочно быть на раскатке перед парами. Не хотел тебя будить, ты так сладко спала. Люблю тебя, до встречи в корпусе».

Я резко развернулась, собираясь уйти обратно в комнату и скрыться от этого тяжелого, жгучего взгляда лучшего друга, который буквально прожигал мне спину.

— В принципе, что я тебе и говорил, — глухо и с жестокой, режущей ухмылкой крикнул Рейнер мне в спину, заставляя меня замереть на пороге коридора. — Твой идеальный капитан поймел то, что хотел, и сбежал при первом же удобном шуме. Наслаждайся своей ванильной сказкой, Зефир.

Я попыталась с силой захлопнуть дверь спальни перед его носом, но Рейнер в последнюю секунду упрямо засунул руку в проем, перехватывая косяк. Раздался глухой стук — деревянная створка со всего размаху врезалась прямо по его пальцам. Торнтон лишь болезненно шикнул сквозь зубы, резко отдергивая кисть, но я даже не подумала извиняться за свою грубость. Злость и стыд душили меня изнутри.

— Даже я, Зефир, не бросаю девушек с утра, когда лишаю их девственности, — глухо, с какой-то ядовитой и злой ухмылкой процедил он, упрямо заглядывая мне за плечо вглубь комнаты.

— С чего ты вообще взял, что он лишил меня девственности?! — тут же яростно воспротивилась я, разворачиваясь к нему всем телом и сильнее запахивая одеяло на груди. Наглый, самоуверенный придурок! Какое ему вообще дело до моей постели?!

Вместо ответа Рейнер лишь медленно окинул меня долгим, потяжелевшим взглядом с ног до головы. Его глаза сузились, задерживаясь на моих ключицах, плечах и голых ногах, а затем он с тяжелым вздохом глухо, сдерживая злость, выдал:

— Серьезно, Миллер? А чем же ты тогда, по-твоему, занималась с ним в абсолютно голом виде, раз проснулась такая окрыленная и счастливая, что аж светишься? Или вы всю ночь вставку рубились под этим одеялом?

У меня внутри всё похолодело, а щеки мгновенно опалило таким диким, невыносимым жаром от его откровенных слов, что захотелось провалиться сквозь землю прямо здесь и сейчас. Я стыдливо и крепко поджала губы, чувствуя себя абсолютно беззащитной перед этим его всезнающим, режущим и удушающим взглядом. Рассказывать ему, что я в панике остановила Чейза из-за видения с самим Торнтоном, было бы полным самоубийством.

— Вали из моей комнаты, Торнтон... — яростно, со слезами обиды на глазах прошипела я ему прямо в лицо. — Просто убирайся вон из моей квартиры!

— Понял, не дурак, — тихо и непривычно серьезно отозвался он. На его лице больше не было издевки.

Рейнер плавно потянул ручку на себя и аккуратно, без лишнего шума прикрыл за собой белую дверь, оставляя меня в уединении спальни. Но, разумеется, последнее слово в этой дурацкой стычке всё равно должно было остаться именно за ним. Из-за закрытой створки донесся его приглушенный, но отчетливый, безжалостный голос:

— Повеь мне на слово, Миллер... сегодня ты своего капитана в колледже вообще не увидишь. У него прямо сейчас найдется ещё как минимум сто веских причин, чтобы демонстративно тебя игнорировать.

Я лишь злобно шикнула, швырнув в закрытую дверь подвернувшуюся под руку мягкую игрушку, а затем обессиленно села на край кровати. Одеяло соскользнуло с плеч, но я даже не обратила на это внимания. Мои пальцы слегка дрожали, когда я снова бережно развернула в руках помятый клочок бумаги с аккуратным почерком Чейза. Написанные им слова казались такими теплыми, такими правильными...

— Уверена, всё это просто бред Рейнера, — едва слышно прошептала я сама себе в пустую комнату, отчаянно пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце. — Чейз не такой.

Но глубоко внутри, под ребрами, из-за ядовитых слов Торнтона уже начал медленно, но верно разрастаться первый липкий укол необъяснимого, ледящего страха.

Кое-как переборов дрожь, я быстро оделась в привычные джинсы и чистую кофту. Когда я наконец вышла обратно в комнату, обнаружилось, что Рейнер и не думал уходить. Он всё так же лениво сидел за кухонным столом, бесцеремонно доедая остатки вчерашней выпечки из пакета Чейза и запивая её остатками кофе. Его невозмутимый вид и шуршание обертки дико злили, подливая масла в огонь моего нарастающего страха.

— Разве ты не должен быть сейчас в постели с той блондинкой? — раздраженно проговорила я Рейну, когда подошла к столу и в очередной раз попыталась запихнуть в рюкзак толстую тетрадь по экономике.

Но она, упрямо не желая лезть внутрь, то и дело подворачивала картонные углы. Руки дрожали. В теле после жестоких слов Рейнера скопилось такое напряжение, что я едва контролировала свои движения. Мысли в голове неслись хаотичным, пугающим потоком. Если он — признанный знаток всех походов, меняющий девчонок как перчатки — с такой уверен-

ностью заявляет, что это стандартная тема... То что это значит? Меня только что бросили? Поиграли, ослепительно поулыбались, подождали, пока наивная дурочка Миллер поедет крышей от любви, а утром просто технично кинули?

Неужели Чейз действительно мог меня бросить из-за того, что я вчера не смогла пойти до конца? Из-за того, что в самый последний момент просто испугалась и отказалась? Неужели он настолько поверхностный, или я сделала какую-то глупость? Неужели он мог так со мной поступить?

Я тут же дико разозлилась и на себя, и на эту несчастную тетрадь. В сердцах со всей силы швырнула её прямо на пол, зло оперевшись ладонями в край стола и низко опустив голову. Горячие, крупные слёзы сами собой, против моей воли, потекли по щекам, капая на паркет.

«Боже, зачем, зачем я себя накручиваю?» — отчаянно думала я, кусая губы. — *«Сначала нужно нормально поговорить с Чейзом, увидеть его лично в университете, а уже потом лить слёзы и ставить крест».*

Рейнер молча подошел ближе, бесцеремонно забрал из-под моего носа рюкзак, поднял с пола тетрадь и одним идеальным, спокойным движением засунул её внутрь. А затем он резко, но аккуратно дёрнул меня за локти на себя, заставляя выпрямиться и заглядывая мне прямо в заплаканное лицо.

— Ты такая глупая, Зефир, честное слово, — негромко, без тени привычной насмешки проговорил он, всматриваясь в мои покрасневшие глаза. — Я же тебе, дура, сразу сказал, что этот твой капитан — тупой вариант. Да ты лучше бы с Итаном начала встречаться, от него и то проблем меньше. Или ты реально думаешь, что я тебе все эти советы от балды даю?

— Я думала, ты просто издеваешься надо мной... — снова едва слышно прошептала я, и новая одинокая слеза скатилась по щеке.

— Дура ты, Миллер, — выдохнул он, плавно притягивая меня к своей широкой груди и крепко прижимая к себе.

— Сам дурак, — пробурчала я ему прямо в плотную ткань футболки, даже не пытаюсь вырваться.

Его аромат можжевельника и табака был таким привычным, родным и uspоаивающим, что рыдания внутри меня начали медленно утихать.

— Но я всё ещё дико зол, что ты отдаешь этому придурку мои личные вещи, — глухо добавил он сверху, продолжая удерживать меня в объятиях.

— Ну так заberi их все к себе, в чем проблема? — буркнула я, шмыгая носом.

— Ага, а я в чём ходить-то буду? — тут же отозвался он, тихо посмеиваясь мне в макушку. — В твоих коротких платьях? Ну уж нет. Если парни из хоккейной сборной увидят меня в таком прикиде на парковке, они придумают мне новую кличку.

— В каком смысле новую? — я чуть отстранилась, утирая слезы ладонью и удивленно шмыгнув носом. — А какая твоя старая кличка?

Рейнер выразительно кивнул головой в сторону кухонного стола, где сиротливо высилась кружка с принтом.

Точно. Я же сама сделала эту дурацкую надпись «Зефирный хоккеист» только потому, что его именно так в шутку обзывали парни в старшей школе, когда он таскал мне из кофейни сладкие маршмеллоу.

— Ладно. Помимо зефира, что ты любишь ещё? — пробурчала я, шмыгая носом и пытаясь взять себя в руки. — Нам срочно нужно сделать тебе еще одну кружку, раз эту Чейз осквернил своим американо.

Торнтон тут же открыто, хрипло рассмеялся, ласково потрепав меня рукой по растрепанным светлым волосам, окончательно разрушая остатки утренней драмы. Он хитро прищурился, глядя на меня сверху вниз, и выдал:

— Ну, если честно, Зефирка, больше всего на свете я люблю одну невыносимую, упрямую и жутко слепую блондинку, которая вечно варит мне кофе на занятия и раздаёт мои шмотки. Но боюсь, если мы напечатаем это на кружке, Итан Картер умрет от зависти прямо в раздевалке.

Я лишь возмущенно фыркнула и слабо пихнула его кулаком в бок, приняв его слова за очередное дурацкое издевательство.

— Придурок ты, Торнтон. Так что там с блондинкой? — спросила я, утирая остатки слез и пытаясь перевести тему. — Почему ты сейчас не в постели с ней, а снова уничтожаешь мои запасы кофе?

— Вообще-то, я с ней и не спал, — сухо отозвался Рейнер, кривясь так, будто у него внезапно заболели все зубы сразу. — Эта стерва — дочь главного бизнес-партнёра моего отца. Припёрлась на мою голову прямо с утра. Конечно же, чтобы лишний раз не злить предка, мне пришлось тащиться с ней в кофейню, угощать макиато и выслушивать парочку дебильных рассказов про её новый маникюр и прочую полную херь.

Я тут же прыснула в кулак, представив сурового Торнтона, слушающего про стразы на ногтях. Рейн недовольно пихнул меня локтем в бок.

— Бедный... Ты, наверное, так сильно страдаешь от того, что сегодня ночью не согрел ничью постель.

— Если ты мне так искренне сочувствуешь, Миллер, то могла бы и помочь другу с этой проблемой, — он тут же нагло заулыбался, в упор глядя на меня.

— Придурок, — снова пробурчала я, закатывая глаза. — Ты когда-нибудь вообще станешь серьезным, а? Хватит уже своих пошлых шуточек в мою сторону. Тебе со мной ничего не светит, так и знай. Даже если меня пятьсот мужчин бросит подряд, я ни за что не буду греть твою постель. Я не собираюсь становиться очередной строчкой в твоём бесконечном списке девиц. Какая там у тебя сейчас цифра? Миллион первая?

Стоило мне произнести эти слова, как атмосфера на кухне изменилась за долю секунды. На лице Рейнера мгновенно заходили желваки, а улыбку как ветром сдуло. С глухим стуком он зло отставил чашку в раковину.

— Эй, а помыть за собой? — тут же возмутилась я.

— А ты когда наконец перестанешь тыкать мне в нос свой сраный список?! — неожиданно рывкнул он, разворачиваясь ко мне. Его голос громом пронёсся по маленькой кухне. — У меня нет никакого списка, ясно тебе?!

Прежде чем я успела хотя бы пикнуть от шока, он в один широкий шаг сократил расстояние между нами до абсолютного минимума, практически вжимая меня спиной в кухонный гарнитур. От него веяло чистой, необузданной злостью и жаром.

— Не думай, что ты вообще всё обо мне знаешь, Миллер! Ты ни черта обо мне не знаешь, поняла?! — процедил он мне прямо в лицо, и его глаза опасно потемнели. — Потому что ты дура слепая. И поверь мне на слово, если бы ты реально обо мне хоть что-то знала или хотя бы хотела узнать, то ты бы прекрасно понимала, когда, зачем и чью именно постель я грею в действительности!

Я замерла, сжавшись и даже боясь вздохнуть. Сердце колотилось в самом горле. Рейнер тяжело дышал, глядя на меня сверху вниз, а затем резко отпрянул, с силой подхватывая мой рюкзак и швыряя его мне в руки.

— А теперь шевели батоном, Миллер. Я не собираюсь из-за твоих соплей прогуливать первую пару. Жду в машине через пять минут.

Он развернулся и стремительно вышел из квартиры, с грохотом захлопнувшейся за собой дверь. Я осталась стоять на кухне в полном одиночестве, испуганно моргая и пытаясь понять, почему обычная шутка про его бабничество вызвала у Торнтона сейчас такой взрыв ярости.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.